

«СЛОНОВЬЯ АЮРВЕДА» В РОССИИ XVIII В.:
МЕДИЦИНСКИЙ ПЛЮРАЛИЗМ,
ТРАНСФЕР ТЕХНОЛОГИЙ И АВАТАРЫ ВЛАСТИ

Мария Михайловна Пироговская

Европейский университет в Санкт-Петербурге
6/1А Гагаринская ул., Санкт-Петербург, Россия

mpirogovskaya@eu.spb.ru

Аннотация: В статье анализируются российские документы XVIII в., связанные с отправкой к российскому двору слонов, их довольствием и лечением. Исследование сфокусировано на политическом и технологическом аспектах жизни животных. Перемещение слонов из восточных государств в Москву и Петербург происходило в рамках *дипломатии живых подарков* и было обусловлено статусом животных как *аватаров власти*. Приписываемая слонам политическая харизма побуждала обе стороны — донора и реципиента живых даров — вкладывать значительные усилия в поддержание их благополучия. Для этого в Российскую империю импортировались специалисты-слоновщики (махуты), восточная пища и индийские лекарства. Автор предлагает рассматривать их как компоненты технологической системы, а само перемещение слонов между разными государствами — как случай трансфера технологий, который следует той же логике, что и более известные и исследованные масштабируемые технологии. Тем самым терапевтический ландшафт Российской империи пополнялся анклавами восточного медицинского знания, которые были обусловлены жизнью животных. Результаты исследования не только усложняют существующие представления о возможных исторических конфигурациях медицинского плюрализма, но и позволяют по-новому взглянуть на большой нарратив о траекториях импорта знания в России раннего Нового времени.

Ключевые слова: технологический трансфер, животные, Россия, XVIII век, медицинский плюрализм, власть.

Благодарности: Исследование выполнено в рамках проекта «Растения и люди в Российской Империи XVIII века: сословная дистрибуция знаний и практик» (ЕУСПб, 2022–2024).

Для ссылок: Пироговская М. «Словня Аюрведа» в России XVIII в.: медицинский плюрализм, трансфер технологий и аватары власти // Антропологический форум. 2024. № 62. С. 260–311.

doi: 10.31250/1815-8870-2024-20-62-260-311

URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/062/pirogovskaya.pdf>

“ELEPHANT AYURVEDA” AT THE 18TH-CENTURY RUSSIAN COURT:
MEDICAL PLURALISM, TECHNOLOGY TRANSFER, AND AVATARS OF POWER

Maria Pirogovskaya

European University at St Petersburg
6/1A Gagarinskaya Str., St Petersburg, Russia

mpirogovskaya@eu.spb.ru

Abstract: The article analyzes Russian documents of the 18th century related to the delivery of elephants to the Russian court, their allowance and treatment. The study focuses on the political and technological aspects of the animals' life. The relocation of elephants from eastern powers to Moscow and St Petersburg was part of animal diplomacy and was conditioned by the status of animals as avatars of power. In turn, elephantine political charisma encouraged both parties — the donor and recipient of living gifts — to invest considerable effort in maintaining their well-being. For this purpose, the Russian Empire imported elephant keepers (mahouts), oriental food and Ayurvedic medicines. The author proposes to consider people, equipment, food, and medicinal matter as components of a technological system. The relocation of elephants between different states is interpreted as a case of technology transfer, which follows the same logic as the more explored scalable technologies. In this way, the therapeutic landscape of the Russian Empire was enriched with enclaves of Eastern medical knowledge that were conditioned by animal life. The results of the study not only complicate current ideas about historical configurations of medical pluralism, but also provide new insights into the grand narrative about the trajectories of knowledge importation in early modern Russia.

Keywords: technology transfer, animals, Russia, 18th century, medical pluralism, power.

Acknowledgements: This research was realized within the project “Plants and People in the Eighteenth-century Russian Empire: Social Distribution of Knowledge and Practices” (EUSPb, 2022–2024).

To cite: Pirogovskaya M., “Slonovya Ayurveda” v Rossii XVIII v.: meditsinskiy plyuralizm, transfer tekhnologii i avatary vlasti’ [“Elephant Ayurveda” at the 18th-century Russian Court: Medical Pluralism, Technology Transfer, and Avatars of Power], *Antropologicheskij forum*, 2024, no. 62, pp. 260–311.

doi: 10.31250/1815-8870-2024-20-62-260-311

URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/062/pirogovskaya.pdf>

Мария Пироговская

«Слоновья Аюрведа» в России XVIII в.: медицинский плюрализм, трансфер технологий и аватары власти

В статье анализируются российские документы XVIII в., связанные с отправкой к российскому двору слонов, их довольствием и лечением. Исследование сфокусировано на политическом и технологическом аспектах жизни животных. Перемещение слонов из восточных государств в Москву и Петербург происходило в рамках *дипломатии живых подарков* и было обусловлено статусом животных как *аватаров власти*. Приписываемая слонам политическая харизма побуждала обе стороны — донора и реципиента живых даров — вкладывать значительные усилия в поддержание их благополучия. Для этого в Российскую империю импортировались специалисты-слоновщики (махауты), восточная пища и индийские лекарства. Автор предлагает рассматривать их как компоненты технологической системы, а само перемещение слонов между разными государствами — как случай трансфера технологий, который следует той же логике, что и более известные и исследованные масштабируемые технологии. Тем самым терапевтический ландшафт Российской империи пополнялся анклавами восточного медицинского знания, которые были обусловлены жизнью животных. Результаты исследования не только усложняют существующие представления о возможных исторических конфигурациях медицинского плюрализма, но и позволяют по-новому взглянуть на большой нарратив о траекториях импорта знания в России раннего Нового времени.

Ключевые слова: технологический трансфер, животные, Россия, XVIII век, медицинский плюрализм, власть.

Введение

Осенью 1736 г. Артемий Волынский, могущественный царедворец и обер-егермейстер Анны Иоанновны, получил из императорского кабинета приказ заблаговременно подготовиться к прибытию в Петербург слона, отправленного среди других богатых даров персидским правителем Надир-шахом. Поскольку слоны, наряду с другими обитателями придворных зверинцев, поступали на баланс казны, чиновники советовали обер-егермейстеру выяснить, откуда брались припасы и снадобья для предыдущего слона, который жил в Петербурге в 1723–1727 гг.¹ Они надеялись воспользоваться уже готовыми списками покупок и схемами поставок. Однако, когда к маю 1737 г. слон Надир-шаха добрался до Петербурга, выяснилось, что ни корм, ни лекарства ему не подходят. Вызванные для консультации служители зверинца Павел Петров и Алексей Назарьев,

Мария Михайловна Пироговская

Европейский университет
в Санкт-Петербурге,
Санкт-Петербург, Россия
mpirogovskaya@eu.spb.ru

¹ В XVIII в. придворными зверинцами и их обитателями занималась сначала Дворцовая канцелярия (учреждена в 1721 г. для управления дворцовыми именными) и выделенная в 1736 г. в особую институцию Контора обер-егермейстерских дел, а с 1744 г. — отдельная Обер-егермейстерская канцелярия.

которые прожили при новом слоне его зимовку 1736–1737 гг. в Москве¹, заявили, что «теми припасами, которые даваны были прежнему слону, нынешнего слона кормить, также и лекарства те употреблять, которы[ми] он не пользован, небезопасно, дабы не зделалось ему от того как[ой] болезни. А надлежить неотменно как корм, так и лекарства давать ему все то ж, что ныне ему производится, и к чему он избык» [РГИА. Ф. 466. Оп. 1. Д. 41. Л. 20]. Пытаясь снять с себя часть ответственности за благополучие животного, зверовщики указывали, что «ко всем его слоновым обычая[м] привыкнуть не мог[ли] и ежели случится какая у него болезнь, то они в ползовании обстоятельно знать не могут». Поэтому они просили оставить при слоне или персиян Агасадыга и Горгилъбе, или «индейцов Гуле и Дидара, которые ныне в СанктПитербурге при персидском после. Понеже оные с тем слоном из Индии пришли и совершенно все ево слоновы обычьи знают» [РГИА. Ф. 466. Оп. 1. Д. 41. Л. 20]². Новому слону, как и прежнему, некоторые виды корма и лекарств следовало заказывать через петербургскую Акцизную контору или везти натурой через Астраханскую губернскую канцелярию, поскольку купить их в Главной аптеке или на рынках Петербурга было невозможно [РГИА. Ф. 466. Оп. 1. Д. 41. Л. 19, 23, 25–26об.]. К бумагам прилагался расчет довольствия вместе со справкой, во сколько оно должно обойтись в год.

Живые дипломатические подарки, присылавшиеся в столицу Российской империи, прибывали не одни. Вместе с ними приезжали индийские и персидские специалисты, которые знали и привычки конкретного животного, и общие правила ухода и лечения. На знания и опыт слоновщиков и полагались придворные чиновники, когда заказывали провиант и лекарства в астраханских гостиных дворах — на российско-персидской границе, откуда начинались торговые маршруты на Ближний Восток и в Южную Азию³. Так «другая» медицина перемещалась в новую среду, где занимала место само собой разумеющегося и при этом явно иноземного знания: импортные лекарства полагались слонам, приведенным из Индии, и назначались индийскими или персидскими служителями. Иными словами, чтобы благополучно доставить животных в Россию и поддерживать

¹ Зверовщиков заранее отправили из Петербурга в Москву, чтобы они изучили тонкости содержания животного у старшего слоновщика Ага-Ареби (Агареби), который сопровождал слона из Персии [РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 35865. Л. 26–27].

² В других документах встречается написание Ага-Садык / Агасадах [РГИА. Ф. 466. Оп. 1. Д. 41. Л. 33; Кутепов 1902: 199].

³ О роли Астрахани как торгового хаба, с момента аннексии Астраханского ханства в 1556 г. соединявшего Россию и исламскую Азию, см.: [Фехнер 1956; Юхт 1957; Русско-индийские отношения 1965; Куканова 1977; Dale 2002: 86–127].

в непривычных для них условиях, предстояло задействовать восточные знания об уходе и лечении.

Приведенный эпизод из придворной бюрократической переписки представляет собой не только редкую возможность заглянуть в относительно малоизученную историю российской этноветеринарии¹. Следуя за подаренными слонами и их лекарствами, можно поставить и более широкие вопросы, связанные с циркуляцией и статусом медицинского знания в России раннего Нового времени. Поскольку для исследуемой эпохи лечение людей и лечение животных были структурно похожи, основывались на сходных принципах и назывались общими словами «лечба» или «лечение», встает вопрос, как меняет наши представления о медицине XVIII в. учет пациентов, которые не являются людьми? При этом объектами лечения и ухода становились далеко не все животные, а лишь те, чья экономическая, социальная и символическая ценность была несомненной, прежде всего домашний скот, лошади, охотничьи собаки и ловчие птицы (см., в частности: [Alexeevsky 2010]). Их здоровье могло пониматься по-разному: как возможность выполнять утилитарные функции, приносить жизнеспособное потомство и сохранять привлекательный вид. Обсуждая безопасность лекарств для слона, российские чиновники не ставили перед собой задачу разведения слонов или использования их как боевых или тяговых животных². Для чего тогда приглашались персидские и индийские слоновщики? Как современники представляли и обосновывали необходимость восточного ветеринарного знания? Каковы были его границы и каким образом функционировало сочетание знания, его носителей и необходимой для его воплощения материальной инфраструктуры? Можно ли считать обращение за помощью к иноземным специалистам свидетельством неоднородности российской ветеринарной медицины, т.е. проявлением *медицинского плюрализма*? Наконец, что анализ канцелярской переписки по поводу снабжения слона может дать для относительно молодой российской истории отношений людей и других животных (*animal history, human-animal relations*)?³

¹ Первые работы по истории российской ветеринарной медицины были опубликованы более ста лет назад: [Попов 1901; Новомбергский 1910; Виноградов 1916]. Однако до сих пор количество специальных публикаций невелико, и большая их часть посвящена преимущественно крестьянским практикам (см. обзор в: [Ипполитова 2011]), тогда как материалы XVIII в. привлекаются прежде всего для исследования институциональной истории животных (см., например: [Кожевников, Гуревич 1990; Осипов 2009; Царские охоты и потехи 2017; Раздорский 2019]).

² В Империи Моголов использование слонов как боевых животных сошло на нет к концу XVI в. из-за распространения огнестрельного оружия, и в придворной жизни раннего Нового времени они имели почти исключительно церемониальное значение [Speziale, in print].

³ Определяющими для этого направления стали работы историков и философов, см., в частности: [Ritvo 1987; Naraway 2003]. Российская специфика обсуждается в: [Rosenholm, Autio-Sarasma 2005; Costlow, Nelson 2010]; см. также: [Коршунков 2022].

Для ответа на эти вопросы в статье рассматривается корпус документов XVIII в., в которых содержатся сведения о присылавшихся в Россию слонах и об ухаживавших за ними слоновщиками. Хотя многие из этих материалов уже неоднократно использовались историками, их медицинские аспекты оставались практически незамеченными. Отождествление упоминаемых в этих документах лекарств с аюрведическими средствами стало первым шагом в исследовании того, как иноземная ветеринария перемещалась в Российскую империю и почему это перемещение было организовано так, а не иначе. В статье выдвигается гипотеза, что в раннее Новое время существовала особая конфигурация медицинского плюрализма, которая складывалась в результате заинтересованности в «иноземных обычаях» и технологиях. Уход за животными, дрессировку и лечение, которыми занимались приглашенные специалисты и которые были едва ли осуществимы без импорта особого лекарственного сырья и корма, предлагается рассматривать как *технологию*. В свою очередь, технология понимается как интегрированные навыки и писанные и неписанные знания, образующие практически значимое производящее *ремесло* со своими правилами и паттернами внимания, а не как производственное взаимодействие людей и механизмов той или иной степени сложности [Frison 1998]. При таком подходе можно сказать, что этноветеринарные знания, практики, специалисты и материальная инфраструктура образуют *технологическую систему*, продуктом и воплощением которой оказывается животное.

Исследования, посвященные трансферу знания в России раннего Нового времени, сфокусированы преимущественно на западноевропейской науке и медицине как части программы той всеобъемлющей вестернизации, которая происходит в петровское время¹. Действительно, и натуральная история, и гуморальная медицина активно импортировались в Россию с Запада. Однако камерная история снабжения и лечения слонов, которая активировала персидскую и индийскую ветеринарную экспертизу, несколько усложняет большой нарратив о вестернизации. Задача статьи состоит в том, чтобы показать социальный контекст другого — восточного — знания и проанализировать принципы его инкорпорации.

¹ Обзор обширной литературы, посвященной этим вопросам, не входит в задачи настоящей работы. Ограничимся указанием лишь нескольких исследований разных лет: [Vucinich 1963; Gordin 2000; Основат 2007; Werrett 2010; Collis 2011; Iosad 2017].

Медицинский плюрализм и трансфер технологий в раннее Новое время

Терапевтический ландшафт России раннего Нового времени был достаточно неоднородным. С одной стороны, с 1700-х гг. государство активно импортировало с Запада ученую гуморальную медицину и создавало для нее новые институциональные формы [Renner 2010], тем самым разграничивая разрешенное лечение и нелегальные методы¹. С другой стороны, попытки полностью искоренить неофициальную медицину не имели успеха. Этому способствовали и недоверие разных социальных групп к иностранным врачам, и неочевидность успеха гуморальных методов, и вовлеченность врачей в первоочередное обеспечение нужд государства, а не лечение больных, и недостаточная протяженность официальной медицинской инфраструктуры, которая фактически исчерпывалась армией, флотом, двором и несколькими аптеками. Это оставляло возможности для процветания медико-магических способов лечения, костоправства и знахарства, а также гибридных форм, к которым прибегали и крестьяне, и купцы, и представители высшей аристократии [Pirogovskaya 2022]. Но также разрывы между государственным проектом медицины и его воплощением, между законодательством и реальными потребностями людей создавали почву для конфликтов и тяжб, обусловленных сложностью определения границ между легальным и нелегальным лечением [Pasichnyuk 2023]. Кроме того, распространение ученой медицины было ограничено навыками грамотности, конфигурация которой не совпадала с сословной иерархией [Griffin 2015].

Правомерно ли рассматривать описанную ситуацию как проявление *медицинского плюрализма* (*medical pluralism*)? Как правило, под *медицинским плюрализмом* понимается множественность медицинских систем или, шире, доступных терапевтических подходов, которая ставит под вопрос господство европейской ученой медицины [Kleinman 1978; Leslie 1980; Baer 2022]. Хотя исходно понятие *медицинского плюрализма* использовали специалисты по модернистским обществам Южной Азии, постепенно его значение расширилось: сейчас о медицинском плюрализме говорят и прикладные исследователи, и историки-медицисты. При попытках ревизии этого понятия исследователи ставили под вопрос скрытую в нем асимметрию отношений врача и пациента, выбор биомедицины как точки отсчета, стирание политических, экономических и эпистемологических конфликтов [Han 2002; Hsu 2008]. Впрочем, глобали-

¹ См., например, сенатский указ от 14 августа 1721 г. [Полное собрание законов 1830–1885, VI: 412].

зация медицины дает понятию новую жизнь, побуждая исследователей говорить о современном «сверхразнообразии» способов лечения [Penkala-Gawęcka, Rajtar 2016].

В любом случае, та идеологическая, экономическая и социальная гегемония, которую ученая медицина обрела в середине XIX в. благодаря государственной поддержке, никогда не была тотальной: «и исторически, и географически она представляет собой скорее исключение, чем правило» [Cant, Sharma 1999: 4–9]. Рассуждая об истории медицинского плюрализма, Сара Кант и Урсула Шарма выделяют критерии, которые позволяют описать его более нюансированно и уйти от бинарных оппозиций типа *домодерный / постмодерный*, *традиционный / индустриальный* и т.д. Для исследовательниц важны степень структурированности медицинского поля, государственный контроль и роль науки в создании легитимности лечения. Другие историки медицины выделяют такие критерии, как существование медицинского рынка, пациентская агентность и структурные возможности для ее эмансипации или подавления [Cant, Sharma 1999: 10, 59–60, 195–196; Ernst 2013]. Кроме того, одним из признаков раннемодерного плюрализма может служить многообразие терапевтических профессиональных ролей и возможность пациентов выбирать из них [Jütte 2013].

Для осмысления российской ситуации раннего Нового времени, однако, кажется полезным разведение *медицинского плюрализма* как структурной толерантности к эпистемологически различным практикам и *медицинской множественности (plurality)* как континуума доступных пациенту видов лечения. Во-первых, такое различие дает возможность увидеть власть, вшитую в признаваемые государством медицинские институты, даже в случае, если они конкурируют друг с другом в борьбе за клиентов, в вопросах определения эффективности лечения и т.д. Во-вторых, таким образом выявляется связь медицинского плюрализма с биополитическим проектом модерна и реализуемым в нем контроле над жизнью подданных или населения [Chakrabarty 2013; Ernst 2013: 18–19]¹.

Российское государство XVIII в. пыталось (с сомнительным успехом) вытеснить в серую зону некоторые виды альтернативного лечения, однако ветеринарную медицину, распознаваемую как иноземную, но отличную от импортируемой с Запада гумо-

¹ Перенос акцента на множественность способов лечения позволяет увидеть ту или иную медицину как констелляцию порой противоречащих друг другу практик, открытых к переносу, заимствованию, вернакуляризации и смешиванию. Тем самым понятие «медицинской системы» оказывается проблематизировано [Attewell 2007: 16, 21–29; Hardiman, Mukharji 2013: 25–27]. Однако этот вопрос лежит за пределами настоящего исследования.

ральной терапии, оно поддерживало. Другая медицина приветствовалась постольку, поскольку помогала сохранить ценных животных. Их жизнь требовала навыков и внимания специалиста, знающего их «обычай» и разделяющего с ними страну происхождения и среду обитания. Тем самым животные и ухаживавшие за ними служители мыслились как соприродные друг другу, связанные общностью происхождения и институциональным контекстом иноземной придворной жизни.

Прочная связь знания, специалистов, пищевого и лекарственного сырья, инструментов и снаряжения, обеспечивающих азиатским слонам выживание в новой среде, позволяет взглянуть на них как на *технологическую систему*, состоящую из взаимозависимых компонентов. Такой подход, во-первых, усложняет наше понимание раннемодерного плюрализма, а во-вторых, показывает российскую историю животных с неожиданной точки зрения. Если в отношении некоторых животных граница между медицинскими практиками (как приемлемыми в юридическом смысле, так и обусловленными природой животного) мыслилась как граница между технологиями, то медицинское многообразие российского XVIII в. можно, по крайней мере отчасти, представить как умножение технологий, завязанное в первую очередь на навыки иноземных специалистов и импортную материальную инфраструктуру. Соответственно для такой конфигурации медицинского плюрализма основополагающим оказывается не сотрудничество или соперничество между специалистами разного типа и не санкционированная государством возможность выбирать то или иное лечение, а импорт и пересборка обособленной технологической системы на новом месте и в новых условиях — в интересах новой социальной группы.

Изучение *технологических трансферов* раннего Нового времени долгое время было сосредоточено на масштабируемых технологиях. Внимание к инновациям и траекториям их внедрения, случаям промышленного шпионажа и переноса технологий в новую среду (на примере литья стали, сукноделия или шелководства) было во многом обусловлено более широким интересом к предыстории промышленной революции, экономического развития и капитализма [Harris 1992: 78–112 et passim; Mottu-Weber 1993; Molà 2000: 161–185]. Другой круг вопросов, связанных с трансфером технологий, касается типов и конфигураций задействованного при этом знания — эксплицированного и скрытого, письменного и устного, воплощенного, существующего «на кончиках пальцев» и формализованного, конкретного и абстрактного [Polanyi 1966; Rosenberg 1970; Gorman 2002]. Тем самым в центре внимания исследователей появляются специалисты и эксперты разного типа — ремеслен-

ники, техники, врачи и естествоиспытатели. В раннее Новое время распространение технического знания и навыков было опосредовано индивидуальной и групповой мобильностью его носителей и попытками правителей ее ограничить или, напротив, активизировать [Cipolla 1972; Molà 2000: 29–51; Belfanti 2004; Hilaire-Pérez 2007]. Успех трансфера технологии напрямую зависел от перемещения ее носителей, вместе с которыми перемещалось и неявное, некодифицированное техническое знание, а также от возможности «воссоздать ту экономическую и техническую среду, из которой они переместились на новое место» [Belfanti 2004: 583].

Технологии разного типа могут включать животных как желательных агентов или незаменимые компоненты — в соответствии с механистическим представлением о животных, логикой промышленного капитализма или же научного эксперимента [Novick 2023]. Это требует от техников или экспертов определенных навыков внимания и может создавать сложности при перемещении таких технологий в новую среду, что является частым случаем при колонизации или доместикации. Например, *kopi luwak*, индонезийская разновидность кофе, не может быть произведена без участия зверьков конкретного вида и бактерий, населяющих их желудочно-кишечный тракт, что становится проблемой для людей и угрозой для животных при масштабировании и переносе технологии из природы на ферму [Cahill 2020]. Другим примером могут служить навыки выращивания шелковичных червей в шелководческих культурах Евразии, по-своему встраивающих насекомых в производственный цикл и решающих проблемы технологического трансфера в новых географических и климатических условиях [Hills 1993; Molà 2000: 217–236; Hutková 2018].

Однако, помимо включения в технологии в формате нуждающихся в калибровке компонентов системы, животные могут быть и центральным объектом технологического трансфера и в этом смысле — воплощенной технологией. В нашем случае подход к перемещению слонов и соответствующей системы их жизнеобеспечения между империями как к трансферу немасштабируемой технологии кажется эвристически продуктивным. Он делает видимой логику, общую для раннемодерных промышленных трансферов и штучной дипломатической и придворной технологии, нацеленной на создание перформанса власти. С одной стороны, между ними есть структурное сходство: в случае перемещения слонов оказываются задействованы навыки специалистов-слоновщиков и воссоздана, по крайней мере частично, та материальная среда, которая обеспечивает жизнь животного. Для ее воссоздания использовались как местные ресурсы, так и ресурсы среды-донора. До некоторой степени воссозданию

этой среды помогали и сети глобальной торговли пряностями и лекарствами, и развитая имперская бюрократия, которая выстраивала бумажные мосты между разными средами и при необходимости обеспечивала переводчиков. С другой стороны, как и в более изученных случаях технологических трансферов, и сама немасштабируемая технология, встроенная в сеть отношений, обязательств и культурных мифов, и ее более или менее успешная пересылка возникают как ответ на конкретные запросы и ожидания [Hilaire-Pérez, Verna 2006].

Животные-подарки и аватары власти

Как колониальные товары, трофеи, дипломатические и патрон-клиентские дары животные исторически выступали объектами демонстративного потребления или естествоиспытательского интереса [Robbins 2002: 20–36; Gschwend 2018]¹. В частности, в рамках *дипломатии посредством животных (animal diplomacy)*, широко распространенной в Евразии, подарками могли служить и выделанные шкуры, меха и чучела, и живые звери, птицы и рептилии². Со Средневековья московский двор также включился в международные цепочки церемониальных обменов, отправляя к правящим дворам Европы и Азии ловчих птиц, чистокровных лошадей, белых и бурых медведей с «поводильщиками» и получая оттуда от дарки [Кутепов 1902: 2–4, 18–20; Новомбергский 1910: 170–172, 175; Загородняя 2003; Моисеев 2010; Бережная 2016]. Дареных животных держали в аристократических садах и зверинцах, использовали для придворных мероприятий и праздников.

Особое место среди даров и объектов престижного потребления занимали животные, которые оказывались видимой репрезентацией могущества: зубры, крупные кошки, носороги, слоны [Lach 1967; Bedini 1997; Robbins 2002; Rookmaker 2005; Федотова 2018]. Купцы везли их, чтобы продать или подарить властителям, властители дарили их друг другу, их захватывали как военный трофей и отправляли дальше как жест щедрости и/или принуждения к ответным жестам, услугам или денежным компенсациям, тем самым превращая животных в ставку престижа или долгосрочную инвестицию³. Дарить животных имело смысл

¹ См. также размышления Розмари-Клэр Коллар о «животном фетишизме» как особом варианте товаризации: в этом случае живые объекты рыночных манипуляций наделяются вещностью, но при этом исходно обладают своей жизнью, которая подвергается отчуждению или выносятся за скобки [Collard 2020: 16–26].

² О примерах такой дипломатии см., в частности: [Cushing, Markwell 2009; Hartig 2013; Cristini 2021].

³ О поставке животных в голландской Ост-Индской компании см.: [Winters 2020]. О политическом и церемониальном значении присылки и содержания слонов в Китае раннего Нового времени см.: [Yu 2021].

только тем, кто обладал зверинцем и мог сделать сообразный отдарок, а редкость животного повышала ставку в обменных отношениях [Heal 2017: 192–193].

В отличие от европейских колониальных держав, Московское государство и затем Российская империя раннего Нового времени получали слонов исключительно в рамках *дипломатии живых подарков*, сопровождавшей политические и экономические контакты с государствами Востока — империей Моголов, шахским Ираном, Бухарским эмиратом¹. По мере интенсификации этих контактов возрастал и размах посылаемых даров, как это было в случае российско-персидских отношений, выстраивавшихся вокруг каспийско-волжского «плеча» Шелкового пути в обход Оттоманской империи и зависевших от экономической и политической динамики в регионе [Matthee 1999: 27–32, 54–55, 218–223].

Первый слон в составе других богатых даров был привезен еще Ивану Грозному в подарок от шаха Тахмаспа I. Первое время этого слона, наряду с экзотическими для Московского государства львами от Марии Тюдор, выставляли на всеобщее обозрение у въезда в московский Кремль. Затем слон впал в немилость (по свидетельству современника, из-за страха, что чужеземное животное может быть причиной чумной эпидемии) и вместе со служителем-арапом был сослан в провинцию, где оба погибли [Моисеев 2010]. Следующий живой подарок — «два слона и арапы» — вместе с христианскими святынями был прислан Михаилу Федоровичу шахом Аббасом I. Так шах пытался построить антиосманскую коалицию [Полное собрание русских летописей 1978, XXXIV: 220]².

Уязвимость северных торговых путей между Европой и Азией, которые, собственно, и интересовали правителей России и государств Востока, давала о себе знать и в случае доставки животных. В конце XVII в. могольский падишах передал русской торговой миссии «слона маленького» для Петра I, но, судя по расспросным листам одного из участников миссии, подарок до России не доехал [Журнал Петра Великого 1772, II: 347–348]³. Из первого номера «Ведомостей» и сообщения иезуитской миссии в Шемахе известно о слоне, отправленном «индейским царем» через Персию «великому московскому князю» в 1702 г.,

¹ О политическом контексте посольств см.: [Памятники 1892, II; Новосельцев 1961]. Это не означает, что у дипломатических миссий не было экономических интересов [Фехнер 1956; Matthee 1999: 77–78]. Впрочем, есть свидетельства попыток царя Алексея Михайловича получить живые диковины — «слонов, бабров, барсов и иных зверей и птиц индейских и кизылбашских» — чисто коммерческим способом через армянских купцов [Русско-индийские отношения 1958: 159–160].

² О политической подоплеке этого дара см. подробнее: [Ченцова 2018].

³ Предположительно, корабль со слоном был отбит пиратами [Levi 2002: 233–234].

но после Шемахи его следы теряются [Письма и донесения иезуитов 1904: 104, 294]¹.

Безопасность передвижения также не гарантировала успеха миссии: живые дары были очень хрупкими. Например, посольство 1711–1713 гг. от шаха Султан-Хусейна сумело доставить сначала до Москвы, а затем до Петербурга не всех взятых животных [РГАДА. Ф. 77. Оп. 1. Д. 2. Л. 1–10б.].² Впрочем, слон был успешно приведен в столицу и в зверинце Летнего сада дожил до мая 1717 г. Его смерть была воспринята как ущерб престижу власти, который можно и нужно было компенсировать, и Артемий Волынский, тогда чрезвычайный посланник в Персии с поручением собирать сведения о местных делах и природных богатствах, уже в июле 1717 г. попросил у шаха разных животных и нового слона. В Россию, судя по отчету начальника экспедиции, животное сопровождал слоновщик и конвой из трех десятков солдат: слона повели сухим путем через Восточный Кавказ, попутно выполняя разведывательные задачи, так как обычные торговые караваны этого маршрута избегали. Однако после непростого перехода довести слона смогли только до Астрахани, где он пал, видимо из-за накладок с обеспечением и уходом [Лопухин 1958; Бушев 1978: 152–153, 240]. В этом смысле более успешными были те доставки животных, которыми занимались крупные посольства: их масштаб и статус, наличие охраны и профессиональных служителей позволяли не опасаться набегов и более эффективно мобилизовывать чиновников на местах, даже если политический вес конкретной миссии был невелик.

Очередного слона Петру I прислал юный шах Тахмасп II к переговорам в Петербурге, начатым персами после русско-персидской войны перед лицом новой угрозы в виде Османской империи. Слон, размером меньше предыдущего, прибыл в столицу в октябре 1723 г. и прожил там четыре года [Кутепов 1902: 194; Берхгольц 1903, III: 172–173]. Следующие миссии в Россию были отправлены уже новым правителем Персии Надир-шахом после смуты, нескольких успешных военных кампаний и захвата власти. Крупный двадцатипятилетний слон, наряду с жемчугом, парчой и арапами, был среди подарков посольства 1737 г. к Анне Иоанновне. Так Надир-шах, получивший полную власть, сообщал императрице о своем статусе³. В октябре 1741 г. из Персии в составе двухтысячного посольства в Петербург прибыл

¹ О миссии в Шемахе см.: [Mathee 2008: 636–637]. О торговых маршрутах в Прикаспии и Закавказье см.: [Levi 2002: 226–227].

² См. также: [Юхименко 2015а; 2015б].

³ Возраст слона известен по протоколам конференции Императорской Академии наук от 3 июня 1737 г., которая специально обсуждала этот вопрос [Протоколы ИАН 1897, I: 396].

новый подарок: 14 слонов в сопровождении слоновщиков, а также 30 верблюдов, утварь и изумруды, добытые Надир-шахом в походе на империю Моголов. И драгоценности, и животные были захвачены в Дели: слоновьи конюшни могольского падишаха насчитывали около пяти тысяч слонов, поэтому Надир-шах мог позволить себе отправить масштабные подарки соседним империям; также тринадцать слонов и драгоценности получила Оттоманская Порта [Potts 2022: 375–391, 394, 512]. Размер подарка, едва ли предполагавший сопоставимый отдалок, и его публичная демонстрация имели ясный политический смысл: новый правитель заявлял о своих военных успехах. Способом подчеркнуть дипломатический статус было и включение слона в состав даров от эмира Бухарского, прибывших в Петербург осенью 1796 г. Впрочем, самому посольству, которое имело эти политические запросы, не разрешили ехать дальше пограничного Оренбурга [Михалева 1962: 55–59]¹.

Наряду с другими престижными дарами, подлежащими протокольному учету и демонстрации, слоны, которых одни императорские дворы посылали другим, выступали своего рода *аватарами* дарителя и одариваемого. Тем самым они служили напоминанием о связывавших стороны узах и обоюдно подчеркивали их статусы — того, кто способен послать подарок такого масштаба, и того, кто может его принять². Поэтому флуктуации властных отношений, интересы отправителя и получателя, а также возможности распространять власть за пределы конкретных империй непосредственно сказывались на представительности отправляемых животных (их возрасте, габаритах, экипировке и украшениях, состоянии здоровья), количестве сопровождавших и встречавших, безопасности перемещения и усилиях, которые вкладывались в их благополучие. Так, в 1740–1741 гг. маршрут отправки слонов был утвержден лишь после длительных российско-персидских переговоров, поскольку персидские дипломаты беспокоились, что при неудачном выборе пути слоны будут измождены, заболеют и тем самым «презент будет не в презент» [Внутренний быт 1880: 336; Васильева 2019: 181].

Все эти переменные прочитывались придворными и бюрократами. Это, в частности, объясняет и скрупулезное измерение каждого слона, и описание присланной с ним экипировки и упряжи, и организацию торжественных публичных въездов

¹ В свою очередь, бухарские правители получали слонов от Могольской империи в знак мирных отношений [Низамутдинов 1969: 97].

² В статье о роли слонов в китайской «дворцовой машине» Юй Хуэйчунь указывает, что животные были буквальными «расширениями» (*extensions*) империи Цин, поскольку их присылали ко двору вассальные государства [Yu 2021: 275–278].

в столицы¹. Слоны как живые *аватары власти*, а вовсе не как объекты товаризации или животного фетишизма, и траектории их передвижения, совпадавшие с направлениями военной разведки и торговыми маршрутами, прочерчивали линии актуальных политических коалиций и экономических интересов. Становясь невольными участниками дипломатии, животные получали и определенную агентность, выражавшуюся в политическом качестве присутствия.

Эта агентность была не имманентной, но вмененной. В неволе возможности животных к действию были ограничены — они могли отказываться от еды и питья, срывать с цепи и убегать, выказывать агрессию по отношению друг к другу и к людям. В исследуемых архивных документах упоминаются случаи подобного поведения. Например, осенью 1712 г. на зимовке в Москве слон ночью сломал большую цепь и ранил слоновщика [РГАДА. Ф. 77. Оп. 1. Д. 1. Л. 333, 339]. В 1737 г. речная часть маршрута слона между Москвой и Петербургом была отменена после сообщения сопровождающих, что «ежели для обводу порогов еще надлежит <слона> выводить и вводить <на судно>, а он заупрямитца, то никак его усилить немочно, чтоб нуждею ввесть, понеже они такое его упрямство (как вели от Астрахани до Царицына в судне) видели» [РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 35865. Л. 36]. Однако одновременно они наделялись возможностью представлять власть. В апреле 1714 г. слона задействовали для торжественного пасхального шествия в Петербурге, о чем сохранилась запись ганноверского дипломата [Weber 1729: 7]. В ноябре 1724 г. слон явился ко двору «с поздравлениями» придворных, получивших повышение в чине [Берхгольц 1903, IV: 77]. В 1740 г. слон участвовал в Ледяной свадьбе — масштабном перформансе с участием «всего государства разночинцев и разноязычников» [Нащокин 1998: 258]. Поэтому индийские и персидские служители зверинца считали необходимым действовать в интересах животных так, как они их понимали. В частности, под предлогом защиты своего подопечного в мае и июне 1741 г. слоновщику Ага-Садыку удалось добиться издания нескольких указов и объявлений, запрещавших оскорблять слона и его сопровождающих словом и действием во время прогулок по столице [Внутренний быт русского государства 1880: 329]. Тем самым слоновщики не только артикулировали потребности животных, но и буквально сохраняли и поддерживали перфор-

¹ См., в частности, указание габаритов «от глаз до хвоста» слона Тахтера Авана, присланного в 1736–1737 гг., в рапорте сопровождающих для Коллегии иностранных дел [РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 35865. Л. 8]. См. также гравюру с изображением «торжественного вступления персидского посольства в Москву 3 октября 1712 г.» работы голландского мастера Питера Пикарта (1668/69–1737), служившего при Московском печатном дворе и увековечивавшего значимые для власти вещи и события — военные победы, планы крепостей и празднества.

манс власти, которая проявляла себя не как деяние, а как процесс [Foucault 1980: 109–133], осуществлявшийся, в частности, благодаря присутствию слонов при российском дворе.

Иноземные технологии: специалисты и инфраструктура

Пересекая границу Российской империи, животные, хотя и продолжали считаться подарками, поступали на баланс российской казны, и их пропитание, как и пропитание самих послов и их свиты, становилось заботой российской стороны [Юхименко 2015а: 96–97, 101–103]. Организация снабжения далеко не всегда была гладкой. Однако по поводу того, как следует ухаживать за слонами и кто способен делать это наилучшим образом, принимающая сторона придерживалась определенного мнения: иноземному животному полагались особая диета и лекарства и соприродные ему служители. Хотя снабжение фактически организовывалось *ad hoc* — по мере передачи животного в ту или иную юрисдикцию, российские власти старались соблюсти требования и запросы специалистов, которые сопровождали животных.

Снабжение слонов было примерно одинаковым и в Персии, и в России, что говорит о направленном переносе технологической системы между империями. Неудачные экспедиции или проблемы с довольствием на месте как раз демонстрируют разрывы между звеньями технологической цепочки — недостаточную инфраструктуру «на земле» (включая инфраструктуру безопасности), отсутствие координации между ведомствами или медленный документооборот. Они приводили к потере животными привлекательного вида (или, точнее, наносили ущерб их властной харизме), к болезни и смерти, и их старались предотвращать.

Содержание присылаемых ко двору слонов стоило казне ощутимых средств — примерно 60–80 руб. в месяц на одного. Помимо пищи и лекарств, деньги уходили на строительство и отопление слоновых конюшен и экипировку животных, которым для перемещения по России и обитания в ней в холодное время года требовались ошейники и цепи, теплые попоны, накидки на уши и хобот, а также сапоги из «телятинных кож» [РГАДА. Ф. 248. Оп. 1. Кн. 13. Л. 311–315; Доклады и приговоры 1887: 108; Кутепов 1902: 198–199]. Большую часть пути слонов вели по суше, что подразумевало расходы на проверку дорожной инфраструктуры — строительство и починку мостов по пути следования, сооружение теплых сараев для ночлега, логистику, а также конвои, охранявшие экспедиции от набегов и покушений¹.

¹ Столь же сложной была доставка слонов в XIX в., когда животных, присылаемых эмиром Бухарским, вели через Оренбург (в 1839, 1848 и 1859 гг.) и организацией перехода и зимовки занимался

Отдельной статьей расходов было жалование персидских и индийских *махаутов* (слоновщиков), их помощников, младших служителей (зверовщиков), истопников, пекарей, которые пекли для слонов хлеб, и переводчиков. Судя по штатному расписанию, слоновщиками в основном были иностранные подданные на русской службе: индийцы и персы. Как иностранные специалисты, они занимали более высокое место в иерархии дворцовых слуг и получали большее жалование, чем служители из местных: от 60 до 180 руб. в год¹. В некоторых случаях жалование вместе с кормовыми деньгами было еще больше: в 1736 г. слоновщик Ага-Ареби добился увеличения жалования в 365 руб. в год, назначенного ему в Астрахани, сообразно трастам в Москве [РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 35865. Л. 24–24об., 31–31об.]. Такое жалование было сравнимо с жалованием западных специалистов — немецких коновалов, работавших на Конюшенное ведомство и обслуживавших породистых лошадей [Новомбергский 1910: 408, 414–423]. В конце века жалование в 100 руб. в год было назначено «азиатцам» Хану Фильбеду и Ахмету Фильбеду, которые были присланы в Петербург со слонем от эмира Бухарского [РГИА. Ф. 478. Оп. 1 (1/1000). Д. 3, 4, 15; Оп. 2. Д. 10]². Также часть жалования выдавалась натурой — дровами, припасами и платьем [РГАДА. Ф. 1239. Оп. 43. Д. 15. Л. 25–26; РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Д. 372. № 52. Л. 216; Внутренний быт 1880: 335; Кутепов 1902: Комментарий, 34, 86]. Зверовщикам, обладавшим более низкой квалификацией, платили меньше — от 30 до 60 руб. в год. Таким было жалование младших служителей при слоне 1723 г. Михаила Черникова, Павла Петрова и Алексея Назарьева [РГИА. Ф. 466. Оп. 1. Д. 41. Л. 27]³.

Часть слоновщиков прибывала в Россию с посольствами в качестве сопровождающих для животных, оставалась при них на какое-то время и затем возвращалась в Персию или в Бухару. Таким планировалось пребывание в России «слоновщика персиянина Реджеболея», который прибыл с посольством 1711 г. и был указом от 12 июля 1713 г. оставлен еще на год, с расчетом, что он, с помощью наглядного примера и через толмача, обучит

оренбургский филиал Азиатского департамента Министерства иностранных дел [Матвиевская 2008].

- ¹ Для сравнения, по штату 1737 г. камер-юнкер получал 150 руб. в год, помощник кофишенка — 60 руб. [РГИА. Ф. 466. Оп. 1. Д. 42. Л. 13–16].
- ² Делопроизводственным языком бухарского двора был персидский, в переводе с которого слово «фильбед» (*fil/pil, bed/bad*) 'хозяин слона' означает придворную должность в составе элфантерии. В документах 1740-х гг. упомянут «слоновый учитель / слоновый мастер» Асатий, что также может быть калькой с персидского [Кутепов 1902: 198].
- ³ Этот штат также соответствует могольскому обычаю, согласно которому каждому слону полагалось несколько служителей разного достоинства и разной специализации [Speziale, in print].

двух подмастерьев [РГАДА. Ф. 77. Оп. 1. Д. 2. Л. 47–47об.; Юхименко 2015а: 113]¹. Временным предполагалось и пребывание индийских махаутов при слонах от Надир-шаха. Посол Мухаммад Хусейн-хан планировал забрать индийцев обратно в Персию и лишь после переговоров согласился «из них по одному для каждого слона [оставлять], доколе здешние люди ходить за слонами привыкнут» [Архив Воронцова 1870, I: 163, 186]. Навыки и знания слоновщиков, подобно техническому знанию в случае масштабируемых технологий, были важны для поддержания придворного церемониала, поэтому оба государства были крайне в них заинтересованы. Однако защищать их от распространения как *ноу-хау* было излишним; напротив, персидские послы рассчитывали, что махауты обучат своему ремеслу кого-то из местных и тем самым живые подарки больше не будут нуждаться в их услугах.

Некоторым махаутам удавалось задержаться. Из бумаг Посольского приказа и Придворного ведомства следует, что «слоновщик арап Маршарив» не только обучал подмастерьев из касимовских татар, но и прожил в России несколько десятилетий [РГАДА. Ф. 77. Оп. 1. Д. 1. Л. 1; РГИА. Ф. 466. Оп. 1. Д. 41. Л. 27]. Иногда иностранные служители переходили в православие, что сулило повышение жалованья, но закрывало путь в исламскую Персию, и подавали прошение о смене подданства. Среди таковых были, например, индийцы, вместе с подопечными животными захваченные Надир-шахом в плен во время похода на империю Моголов и желавшие, видимо, восстановить свой статус свободного человека. Сохранилось доношение Конторы обер-егермейстерских дел об определении новокрещеного индийца Павла Павлова в петербургский зверинец для ухода за слонами. Его путь на службу был довольно тернистым. Махаут прибыл в Россию с персидским посольством, перешел в православие, как только посольство прибыло в Москву, затем скрывался до отбытия посла обратно в Персию, а в октябре 1742 г. пришел наниматься в зверинец [РГАДА. Ф. Сенат. Кн. 1073. Л. 933–934об.]². Также в служителей набирали персов из живших в Петербурге, видимо полагая, что благодаря знанию языка они обучатся быстрее. Из 41 служителя под началом индийца Дины (Диния), которые занимались царскими слонами в 1742 г., 18 человек в документах называются индийцами, а 23 — новокрещеными персиянами

¹ Возможно, он же упомянут в списке посольских слуг 1712 г. как Раджабали-бек [РГАДА. Ф. 77. Оп. 1. Д. 1. Л. 307].

² См. также дело 1742–1743 гг. о прошении «слоновщика индейца Пира, магометанина, о присоединении его к православию» [РГИА. Ф. 796 (Канцелярия Синода). Оп. 23. Д. 717]. Известны и попытки персидского посла вернуть сбежавших подданных [Архив Воронцова 1870, I: 186].

[РГАДА. Ф. Сенат. Кн. 1073. Л. 933–934об.]. В списке желающих ухаживать за слонами, составленном в 1742 г., есть персы, побывавшие в услужении у грузинского царевича и Артемия Волынского, вольные армяне и греки [Внутренний быт 1880: 328–329, 339].

Условием благополучия слоновщиков и зверовщиков было благополучие обслуживаемого животного. В этом отношении они составляли неотъемлемую часть той технологической системы, которая не просто обеспечивала существование животного, но и буквально в нем воплощалась. Когда в 1765 г. умерла слониха по имени Сала, последняя из живых даров Надир-шаха, обслуживающая ее команда, которая обходилась в две с половиной тысячи рублей в год, осталась без работы [Кутепов 1902: 146–147, прим. 106]. Обер-егермейстеру Семену Кирилловичу Нарышкину пришлось ходатайствовать о пенсии для принявших православие слоновщиков «из азиатской нации», поскольку, кроме милости императрицы, рассчитывать им было не на что. Их навыки были выработаны для поддержания конкретных животных и не могли быть применены иначе. В этом смысле они обслуживали своего рода *технологический анклав*.

Тем не менее переход в православие и последующая смена подданства не были обязательными и не навязывались сверху, скорее люди прибегали к ним сами в надежде обрести лучшую жизнь¹. В целом за слоновщиками признавалась их «иноземность»: об этом говорит выделение им припасов, на которые не могли рассчитывать подданные православного вероисповедания, — риса, топленого масла и живых баранов. Такое довольствие повторяло хлебное жалованье, которое махаутам выдавалось во время службы у персидского посла². Иноземность поддерживалась и в костюме. Слоновщику Ага-Садыку по штату 1740 г. полагался мундир «по персидскому обычаю». Когда в ноябре 1741 г. слоновщикам-индийцам повелели сшить зимнее платье (кафтаны и штаны из зеленого драгета, а зверовщикам — из более дешевого зеленого сукна, с желтыми башмаками и кушаками, и желтые же бешметы), его заказали «по их манеру». Возможно, этот костюм повторял летнее платье, в котором махауты пришли из Персии, и зеленый выбирался в соответствии с исламской символикой зеленого цвета [Внутрен-

¹ Подобные манипуляции социальными границами уже отмечались в работах о российских сословиях, см.: [Smith 2014].

² Включение в довольствие баранины свидетельствует о том, что индийские махауты были мусульманами: в империи Моголов мусульмане постепенно включились в традиционные ремесленные корпорации, в том числе в уход за слонами, который благодаря своему придворному значению считался ремеслом высшего порядка [Speziale, in print].

ний быт 1880: 328, 337–338; РГАДА. Ф. Сенат. Кн. 1073. Л. 933–934об.]¹.

Махауты, приезжавшие вместе со слонами в Россию, были техниками, обслуживавшими технологию власти. В отличие от других «животных» технологий, подлежавших заимствованию, внедрению и масштабированию, таких как немецкое искусство лечить лошадей, их навыки не могли укорениться на новой почве из-за отсутствия местных или интродуцированных животных. В этом смысле знание махаутов оставалось внутри технологического анклава. Знания и навыки могли передавать татарским и армянским подмастерьям, но распространение ограничивалось придворной средой и дипломатией живых подарков.

Иноземные технологии: слоновья Аюрведа

Такая же «иноземность», как у слоновщиков, признавалась и за их подопечными: выясняя, чем нужно кормить присланного слона, петербургские чиновники предполагали необходимость особенного снабжения, основанную на представлениях о природе и «обычаях» животного.

В документации, сопровождавшей слонов, обращает на себя внимание иерархия приоритетов. Нужды животного, высказываемые махаутами, отмечаются как безусловные, а реакции чиновников организуются вокруг них, образуя своего рода «строительные леса», которые позволяют слону существовать в новых условиях в соответствии с его «обычаями». Запрос на постройку новой печи или очередную выдачу дров сопровождался пояснением, что слон «стужи терпеть не может». Так, в 1712 г. отмечены траты на замену железных дверей теплыми деревянными и вставку двойных окон; в сентябре 1737 г. слоновщик велел топить помещение для слона ежедневно [РГАДА. Ф. 77. Оп. 1. Д. 1. Л. 333об.; РГИА. Ф. 466. Оп. 1. Д. 41. Л. 33]. Требование укреплять мосты по пути его следования аргументировалось тем, что слон так умен, что пробует доски ногой и отказывается идти, если они прогибаются. Летом 1741 г. проект нового слоновника (с кухней, ледником, своей конюшней и сараем) за авторством столичных архитекторов Иоганна-Якоба Шумахера и Михаила Григорьевича Земцова был изменен после сообщения слоновщика, что паре слонов, которые «обыкли в одном месте особо быть», необходимо отдельное помещение [Внутренний быт 1880: 332–333]. Отдельно закупались пигменты «для чернения и крашения», опять же в соот-

¹ Точно так же иноземность поддерживалась при обустройстве покоев, отведенных для восточных посольств [Юхименко 2015а: 102].

ветствии с могольским обычаем: они упоминаются в документах на слонов 1723, 1737 и 1741 гг.¹ Смысл раскрашивания едва ли был прозрачен для российских чиновников, которые согласовывали покупку красок. Скорее всего, с их точки зрения, это просто «полагалось» при наличии запроса от специалиста. При необходимости, т.е. при высказанном запросе слоновщика, изготавливались и проволочные гайки, которые в Индии слонам накручивали на бивни. Так, в 1712 г. «за дело у слона на большие два зуба наболдашников и блях из проволочной меди и за позолоту» Посольскому приказу предстояло заплатить 6 рублей 29 алтын 4 деньги [РГАДА. Ф. 77. Оп. 1. Д. 1. Л. 345об.]. Наконец, в одном из запросов упоминаются сафьяновые мячи с рукоятками, набитые оленьей шерстью, которые были заказаны шорнику. Вероятно, речь шла об инвентаре для обучения трюкам (в другом, более позднем документе говорится о персидском мастере, который тренировал слонов) [РГАДА. Ф. 77. Оп. 1. Д. 1. Л. 350–351об.; Внутренний быт 1880: 341].

Точно так же организовывалось довольствие животных. В интересах слона было получать пищу и напитки лучшего качества и определенные лекарства, которые в случае нехватки нельзя было заменить и требовалось достать во что бы то ни стало.

Вот как описывал рацион слонов русский посланник Семен Арапов, наблюдавший их стоянку в персидском Реште в 1740 г.: «Едят в сутки один слон хлеба три пуда с четвертью, сахару семь фунтов, масла семь фунтов, восьмеро слонов в сутки ж всякий по два пуда по тридцати фунтов хлеба, сахару по семи фунтов, масла по семи ж фунтов, шестеро по два пуда по пятнадцати фунтов хлеба, сахару по семи, масла по семи ж фунтов» [АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. Д. 9. Ч. 1. Л. 177об.–178; Д. 15. Л. 145–145об.]². С некоторыми вариациями подобный рацион отпускался для слонов и в России: утверждая довольствие, чиновники ориентировались на реестры, сделанные в Астрахани после пересечения границы, или на опросы служителей (см. Приложение). Например, за 1739 г. Тахтер Аван, двадцатипятилетний слон от Надир-шаха, съел 136 пудов 35 фунтов риса, 365 пудов пшеничной муки, 45 пудов 25 фунтов сливочного масла, столько же — соли, 27 пудов 14 фунтов тростникового сахара, почти 22 ведра

¹ Нанесение на голову слона узоров распространено в современной Бенгалии и на Шри-Ланке; вероятно, эти практики существовали и в Могольской империи [Kenoyer 1998: 166]. См. также акварель Кишангарской школы «Портрет слона Аридалана» (ок. 1770 г., <<https://www.mutualart.com/Artwork/A-PORTRAIT-OF-THE-ELEPHANT-ARIDALAN/88AD632DD98FB41D>>), на которой видны узоры на щеках и хоботе и более темная (черная?) голова.

² Цит. по: [Васильева 2019: 181–182]. Тростниковый сахар импортировался в Россию из Индии через посредников; в могольский период дорогие рафинированные сорта производились в Лахоре и Дели и были одними из основных предметов экспорта [Levi 2002: 50].

белого виноградного вина, а также лекарственные пряности. В зависимости от сезона диета варьировала. Например, белое вино, отпускавшееся летом, на зиму заменялось водкой. Помимо припасов, закупаемых у подрядчиков, ведомство выдавало натурой траву, тростник и сено, которые дворцовые крестьяне заготавливали в окрестностях Петербурга [РГАДА. Ф. 1239. Оп. 43. Д. 15. Л. 2–2об., 21–22; Оп. 3. Ч. 69. Д. 32517. Л. 1; РГИА. Ф. 466. Оп. 1. Д. 41. Л. 29–30].

Этот рацион соответствует рекомендациям индийских и персидских трактатов о содержании слонов. В Индии практическая наука о слонах (*Hastyāyurveda*) разрабатывалась в расчете на содержание боевых и церемониальных животных при дворе и потому была частью науки управлять (*Arthasāstra*) [Edgerton 1931: 1–3; Olivelle 2016]. В ее основе лежала классификация, которая опиралась на ключевые понятия индийской натурфилософии и определяла типы слонов в соответствии с сочетанием гуморов (*doṣa*) — ветра (*vata*), желчи (*pitta*) и слизи (*kapha*). В зависимости от физических характеристик, манеры поведения, телесного запаха и нрава животные приписывались к тем или иным кастам [Sanderson 1879: 83–85; Edgerton 1931: 6, 74–79]. От возраста и типа слона, а также от степени его прирученности, времени года и времени суток зависели его рацион, распорядок дня и профилактическое лечение¹. Такая классификационная сетка была нацелена на производство уникальных случаев и констелляций². В частности, это может объяснять, почему двадцатипятилетнему слону, приведенному в Россию в мае 1737 г., не подошли диета и лекарства его более молодого и subtilного предшественника, что и отразилось в документах, процитированных в начале статьи.

Наука о содержании слонов выделяла несколько видов пищи: для жевания, для глотания, для всасывания и для питья. Согласно трактату *Mātanga-līlā*, слону следовало давать свежую траву, сено и листья; злаки — рис, ячмень и пшеницу — в сухом и вареном виде; бобовые — нут и маш; патоку и неочищенный тростниковый сахар; молоко и простоквашу *дадхи*; хлеб; топленое масло *ghi* и кунжутное масло; соль; подслащенные напитки; мясной бульон и мясо в случае слабости [Mukhopadhyaya 1922: 418–424; Edgerton 1931: 26, 92–104; Trautmann 2015: 161–164;

¹ Некоторые исследователи полагают, что диета с включением обработанной пищи учитывала распорядок дня слона, который содержится в неволе и подвергается дрессуре и соответственно не может тратить на добычу пропитания столько же сил и времени, сколько он тратит в лесу [Trautmann 2015: 54–55]. Впрочем, это утилитарное объяснение не учитывает эпистемологические основания классификации животных, а также видов пищи и болезней в соответствии с тремя гуморами [Zimmer 1929: 148–166].

² О домодерной Аюрведе как «намеренно неточной» и гибкой системе см.: [Mukharji 2016: 270–285].

Speziale 2018: 207–224)¹. В кашу и масло добавлялись приправы — кардамон, зира, чеснок и др., а также «три пряности» — имбирь, черный перец и перец пиппали. Периодически слону, особенно боевому, полагались алкогольные напитки: сочинения об элефантерии утверждали, что алкоголь придает слонам храбрости или помогает восстановить силы. Кроме того, животным давали глистогонное, «королевский порошок» (смесь асафетиды и камфоры) и средства, способствовавшие балансу гуморов. Топленое масло шло также на смазку кожи, бивней и век. В холодное время года слонов укрывали попонами, держали в закрытых натопленных стойлах, кормили пищей с пряными и жгучими приправами и поили спиртосодержащими напитками. В жаркое время года главной заботой слоновщиков была качественная вода для купания. В сезон дождей стойла окуривали от насекомых [Bloomfield 1920: 336–339; Mukhopadhyaya 1922: 403; Edgerton 1931: 27, 100].

Данные рекомендации объясняют просьбы российских служителей о дровах для слоновника, указы о шитье теплых попон, выдачу масла «на смаску слона» (внесенного в реестр всего необходимого для слона 1723 г. под отдельной рубрикой), имбиря и чеснока на каждый день и алкогольных напитков по сезону. Зимой 1712–1713 гг. Посольский приказ по прошению слоновщика выдал на слона 2 пуда соли и 1600 штук чесноку и отдельно в декабре и январе — 20 ведер водки, из расчета по ведру в день, что в два раза больше, чем в более теплых октябре и ноябре [РГАДА. Ф. 77. Оп. 1. Д. 1. Л. 312, 341об., 344, 347, 348об.]. Слону, приведенному в 1736–1737 гг., полагались другие дозировки: «в зимние семь месяцев по четверти ведра в день, а в летние пять месяцев по одному ведру в неделю». Зимние месяцы длились в России дольше, чем в Индии, поэтому «согревающую» диету приравнивали к новым обстоятельствам². Слоновщик Ага-Садык следил за качеством напитка и 27 октября 1738 г. подал в Дворцовую контору жалобу, что водка «ко удовольствию слона не удобна, понеже явилась с пригарью и не крепка» [Внутренний быт 1880: 327]. В холодное время года животным выписывали свинину или говядину [РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 35865. Л. 23об.]. Даже рис должен был быть определенного качества и привычного животному вкуса. В 1736 г. слоновщик забраковал рис, привозившийся через немецкие торговые

¹ В частности, жидкости — вода, мед, патока, молоко, сыворотка, топленое масло — входили в категорию *апирапа*, напитков, катализирующих свойства пищи или лекарств (см. обсуждение этого понятия и его применения на практике: [Mukharji 2020: 237–238]).

² В известных на сегодняшний день документах нет сведений о том, сталкивались ли слоновщики с непривычными для них болезнями и симптомами, вызванными новой средой обитания. Такие данные позволили бы увидеть, какие интерпретативные ресурсы использовались специалистами и как Аюрведа как объяснительная модель работала в новых условиях.

сети, потребовал закупать знакомый слону персидский сорт, и лишь невозможность быстро найти нужное количество убедила его попробовать сделать замену, пока российские чиновники искали поставщика [РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 35865. Л. 53–59об.].

Столь же пристально слоновщики выбирали воду для купания. Когда весной 1741 г. Императорский кабинет, Сенат, Канцелярия от строений и Комиссия о петербургском строении занимались организацией новых слоновых конюшен для слонов Надир-шаха, выбор места для строительства, сделанный архитекторами Земцовым и Шумахером, был скорректирован после консультации со слоновщиком Асатием. Последний не одобрил качество воды в Лиговском канале и рекомендовал строиться вблизи Фонтанки. Его мнение оказалось более весомым [Внутренний быт 1880: 330].

Те же индийские и персидские трактаты регламентировали использование определенных лекарств для профилактики и терапии [Speziale 2018]. Тем самым слоновщики на российской службе опирались на привычное им этноветеринарное знание, основанное на принципах Аюрведы. В этом отношении, несмотря на «подстройку» под потребности конкретных животных, обусловленную их индийской классификацией, видна преемственность между лечебными практиками начала и конца XVIII в. (см. Приложение). Ингредиенты для лекарств включали пряности, травы, орехи, смолы и связующие вещества, такие как масло, сало, яйца или рыбий клей¹. Некоторые средства — *ревень* или *имбирь* — были уже прочно вписаны в доступную высшим российским сословиям гуморальную медицину благодаря глобальной торговле *materia medica* и потому хорошо известны придворным чиновникам и переводчикам. Названия других — *черное лекарство*, *дар филь филь*, *неян*, *беденжил* — явно записывались со слов слоновщиков, с попыткой перевода или попросту на слух, чтобы купить их там, где эти записи будут правильно истолкованы². Так могли записываться как редкие лекарства, специфичные для Южной Азии (*рал*, *амиле*), так и лекарства, известные в греко-европейской медицине, например пажитник и рута (в архивных списках лекарств для

¹ Из справки, составленной в 1806 г. после смерти бухарского слона, известен способ употребления лекарств: пряности смешивались с жиром, медом и рыбьим клеем в комки размером с гусяное яйцо [СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2. Д. 184. Л. 392].

² Помимо армянских купцов, выступавших посредниками и переводчиками в российских сношениях с Востоком, арабским и персидским владели некоторые чиновники и мещане, жившие в Астрахани: они могли учить языки самостоятельно или на бухарском торговом дворе [Савич 1978: 250]. Переводчики с восточных языков служили при различных государственных департаментах в пограничных городах (Астрахани и Оренбурге). Кроме того, в России торговали и индийские купцы, имевшие в Астрахани свой гостинный двор (караван-сарай) [Levi 2002: 172–176].

слона они фигурируют под персидскими названиями *шамбале* и *седав*), соотнесение которых с терминами на разных языках оказывалось, однако, проблематичным¹. В процессе записи и перевода экспертиза слоновщиков становилась определяющей, а знания переводчиков, чиновников, составлявших реестры лекарей, или аптекарей, которые их отпускали, дополнительными.

Однако применение кодифицированного в трактатах по слоновьей медицине аюрведического знания едва ли было механическим. Подобно врачам, которые ставят диагноз, во многом основываясь на опыте [Patel et al. 1999], слоновщик определял потребности слона исходя из своего общения с ним. Поэтому и стать подмастерьем персидского или индийского слоновщика можно было при условии, что слон «признал» нового человека, а одного знания общего с махаутом языка оказывалось недостаточно [Внутренний быт 1880: 327]. Исходя из этих соображений, персидский посол просил отправить оставшихся без работы махаутов знакомиться с новопривыкшим животным, «чтоб они обычаи слонов познали и он бы к ним привыкнуть мог» [РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 35865. Л. 26]. Аюрведа лишь давала общие ориентиры, тогда как их реализация зависела от умения специалиста «выносить суждения» [Gorman 2002: 222–225, 228].

Медицинское знание слоновщиков было конкретным и локальным, привязанным к той же территории, которая определяла тип животного и его потребности сообразно возрасту и времени года, и зависящим от опыта. Соответственно при трансфере возможности изытия того или иного лекарственного компонента из системы локального знания были ограниченными. Делокализации как таковой подлежали лишь хорошо освоенные ингредиенты с узнаваемыми характеристиками, такие как корень ревеня, имбирь и гвоздика. Сырье, которое не обладало столь же яркими признаками (например, высушенные травы), было проще заказать под тем названием, под каким его знали иноземные махауты, и получить через длинные цепочки поставок. Кроме того, вполне вероятно, что сам факт перемещения технологической системы вместе со специалистами делал попытки отождествления лекарственных ингредиентов избыточ-

¹ В документах Аптекарского приказа за вторую половину XVII в. прослеживается идентичный способ фиксации ингредиентов со слов профессионалов — западноевропейских врачей. Например, один и тот же индийский ингредиент передается транслитерациями *мироболян* [РГАДА. Ф. 143. Оп. 2. Д. 965. Л. 38–39]; *мироболаном* [РГАДА. Ф. 143. Оп. 2. Д. 737. Л. 93]; *мирабалани чебули* [РГАДА. Ф. 143. Оп. 2. Д. 743. Л. 3–4]; *мироболяни гебули* [РГАДА. Ф. 143. Оп. 2. Д. 1094. Л. 41]. В данном случае транслитерация с латинского свидетельствует о европейском пути трансфера фармакологического знания, однако разницей в способах фиксации говорит об отсутствии попыток «абстрагировать» ингредиент.

ными. Те эксперты, которые могли бы быть в это вовлечены, например служившие при российском дворе западноевропейские натуралисты, не занимались обеспечением слонов и не имели прямых контактов со слоновщиками¹.

Это не значит, что перемещенное знание было полностью закрытым и непроницаемым для заимствований и местных влияний. Говоря об исторической изменчивости Аюрведы и ее эпистемологической открытости, П.Б. Мухаржи приводит пример адаптации к аюрведической категориальной сетке растений Нового Света: импортированные вкусы не только находили свое место в существующей классификации, но и через практики активно влияли на ее организацию [Mukharji 2020: 241–246]. Российский случай технологического трансфера также содержит указания на возможность подобной адаптации. Например, в «сено из крупного тростника», заготавливавшееся дворцовыми крестьянами на берегах Финского залива и Ладожского озера, шли растения Северо-Запада России. Однако, в отличие от немецкого риса, оно, по всей видимости, признавалось слоновщиками вполне приемлемым для их подопечных, как и имитации сахарного тростника с помощью грубых злаков, масла и патоки.

Наконец, при заказе довольствия и лекарственного сырья опираться можно было не только на слова. Вероятно, слоновщики могли иметь доступ к существующим запасам и сличать их *de visu*. Об этом косвенно свидетельствуют запросы китайского средства, которое в российских документах фигурирует под названием *тензуй* (от кит. *tiñ-tsuei*, «таблетка», возможно, от *dingzi yao*, «формованное лекарство»)².

В декабре 1712 г. на лекарство слону потребовались «свиная туша 2 рубля с полтиною, 7 четвериков круп яшных по 11 алтын 4 деньги четверик, 8 ведр церковного доброго [вина] по 4 рубля ведро, итого 36 рублей, за 43 золотника тензую 19 рублей 31 алтын 4 деньги» [РГАДА. Ф. 77. Оп. 1. Д. 1. Л. 342об.–343, 345об.–346, 350; Доклады и приговоры 1887: 13]. Столь высокая стоимость, скорее всего, была обусловлена труднодоступностью лекарства, которое в европейскую Россию везли из Китая. Неоднократная выдача тензую (см. Приложение) говорит о высоком статусе слонов в придворной иерархии, который был обусловлен как их функцией дипломатического дара, так и их

¹ Обратный пример — «Персидская фармакопея» французского миссионера Анжа де Сент-Жозефа, представляющая собой комментированный перевод персидского медицинского трактата: в ней персидские названия лекарственных формул и ингредиентов переведены на латинский язык [St-Joseph 1681].

² Об истории русского слова см.: [Аникин 2021: 201–202]. О прессованных лекарствах *dingzi yao*, производившихся в императорской аптеке и использовавшихся как обереги, профилактические средства и дипломатические подарки, см.: [Aricanlı 2013: 65–66; Guan 2021: 264–266].

исключительностью: политическая харизма слонов открывала им доступ к лекарству, которое считалось особо ценным.

Первые упоминания *тензуя* относятся к середине XVII в.: он есть в списке подарков от китайского императора и в реестре китайских товаров, ввезенных в Россию через тобольскую таможенную [РГАДА. Ф. Сибирский приказ. Стлб. 535. Л. 89; Материалы по истории 1932: 346–347, 358–361]. В XVIII в. через иностранцев на русской службе *тензуй* попадал в руки европейских натуралистов, которые описывали его как лекарственную глину (лат. *terra sigillata*) или формованный порошок желтого, красного или черного цвета из растительных, животных и минеральных ингредиентов, с запахом амбры и мускуса, для лечения ушибов и для чихания¹. Красный *тензуй*, скорее всего, содержал киноварь (кит. *zhusha*), желтый — аурипигмент (кит. *sihuang*), а черный был обязан своим цветом копоти, в которую вмешивались лекарственные вещества. То есть словом *тензуй* могли называть разные средства — спрессованные в таблетки *dingzi yao* лекарственные смеси и виды твердой туши, имевшей в том числе медицинское применение.

Однако если в Западную Европу разные виды *тензуя* попадали из России, то персидские и индийские махауты могли познакомиться с ними через торговые цепочки Шелкового пути². В этом случае для махаута могло быть достаточно знать цвет и форму китайской «таблетки», чтобы соотнести нужное лекарство с имеющимся в московской аптеке ассортиментом. В доступных архивных документах не уточняется, при какой болезни слону требовался *тензуй* и какого он был цвета. Но и Аюрведа, и распространённая в Персии исламская медицина Унани использовали киноварь для людей, слонов и лошадей, а аурипигмент, согласно трактату *Mātanga-lilā*, входил в рецепт мази для натирания хлыста или стрекала [Edgerton 1931: 101; Wujastyk 2013; Preckel 2015]. К 1710-м гг. *тензуй*, видимо, все еще оставался редкостью, что объясняет, почему он выдавался только по особому разрешению³.

¹ См., в частности, описания *тензуя* в реестрах немецких кунсткамер [Commercium litterarium 1731, I: 162–163; Commercium litterarium 1740: 260, 409–410; Bruckmann 1756: 75–76].

² О бухарских купцах как торговых посредниках с Индией, Персией, Сибирью, Китаем и Россией см.: [Зияев 1983; Burton 1997: 380–386, 391–410 et passim; Monahan 2016: 254–301]; обсуждение значения центральноазиатских торговых сетей для Запада и Востока см.: [Levi 2002: 29–45]. Говоря об импорте пряностей и лекарств, Бертон приводит упоминания *тензуя* в бартере бухарцев с Китаем 1640 г., но ошибочно отождествляет *тензуй* с корнем пажитки (англ. *tansy*) по созвучию [Burton 1997: 386, 455, 459]. Кроме того, в 1724 г. *тензуй*, наряду с ревенем и мускусом, упомянут в показаниях участника дипломатической миссии в Бухару [Беневени 1986: 84–85]. См. также о сино-иранском медицинском обмене: [Ming 2022: 475–492].

³ В исследовании XIX в. приводятся сведения, что *тензуй* и хину из Китая вывозили в малом количестве, так как доверием пользовался только ремень [Трусевич 1882: 180]. Возможно, речь идет о связи репутации лекарств с маршрутами их поставок, так как еще в XVII в. есть свидетельства

Запросы персидских слоновщиков о выдаче китайского *тензуй* из запасов московской аптеки в очередной раз подтверждают масштабы глобальной торговли лекарствами в раннее Новое время и включенность России в этот процесс¹. Более того, как мы видим, импорт дорогих лекарств из далеких стран и сборка сложных рецептов были нацелены на поддержание здоровья не только царской семьи и аристократии, но и животных, имевших столь же исключительный социальный статус.

Названия лекарств на фарси, урду, арабском и русском, записанные кириллицей, представляют собой непосредственные следы того, как технологическая система функционировала в раннемодерной империи. Для заказа и покупки лекарств и в конечном итоге поддержания системы на ходу был необходим контакт *техников* разного типа, переводчиков и чиновников, разбросанных от Петербурга до Астрахани. Профилактика и терапия болезней слона велась в рамках «соприродной» ему медицины и задействовала иноземное ветеринарное знание, которое перемещалось в Российскую империю с Востока. За вариациями лекарственных формул стояли, по всей видимости, различия в возрасте, темпераменте и кастовой принадлежности конкретных животных, а также сезонные потребности, однако определялись они «слоновьей аюрведой». Азиатская наука о слонах представляла собой не просто авторитетное знание, признаваемое и оплачиваемое российским двором, но и технологические инструкции, позволяющие поддерживать животное в условиях неволи и в чуждой среде обитания. Такой высокий статус это знание сохраняло до тех пор, пока вписывалось в конкретную технологическую систему, границы которой были защищены общей концепцией «иноземности».

Несмотря на то что в штатные обязанности слоновщиков входила забота о животных, включавшая кормление, соблюдение чистоты, прогулки и лечение [Внутренний быт 1880: 329], из наличных документов неясно, пытался ли кто-то из российских чиновников проверять качество этой работы. Те случаи, когда слоны срывались с цепи и ломали изгороди и дома, как кажется, не имели для слоновщиков никаких последствий (что также сближает их с немецкими коновалами, которым в большинстве случаев удавалось объясниться за промахи, в отличие от их местных подмастерьев, см.: [Новомбергский 1910]). Слон как импортная технологическая система оказывался непрозрачен для местных контролирующих инстанций.

востребованности хины [Худин 2019]. В свою очередь, тензуй мог сохранять свой статус как редкость, но не иметь особенного лекарственного значения.

¹ См. исчерпывающий анализ российского импорта лекарств в XVII в.: [Griffin 2022].

Вероятно, единственным моментом столкновения различных экспертиз оказывалась смерть животных. Иногда Обер-егермейстерская контора отправляла туши в Академию наук для выяснения, «от какой болезни оный слон пал». Там они оказывались в поле зрения западноевропейских натуралистов, и отсюда начинался их путь в Кунсткамеру. В частности, из академических документов о вскрытии сохранились имена животных: в октябре 1742 г. пал Тахтер Аван, в январе 1747 г. — Алекбаш, летом 1749 г. — Настрат, осенью 1956 г. — Бахни, в мае 1765 г. — Сала [Материалы для истории АН 1885–1900, V: 399–400; VIII: 365–367; X: 41; СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 535. Л. 96об.–97; Д. 525. Л. 277об.–278]¹. Лишь в одном известном нам случае анатом, проводивший вскрытие, дал рекомендацию на будущее, видимо постольку, поскольку в тот момент при дворе имелись еще животные, для которых такая рекомендация могла быть жизненно важной. Когда в июле 1749 г. пал слон Настрат, профессор анатомии и физиологии Абрахам Каау-Бургаве рапортовал, что смерть случилась от застарелых запоров и оставшихся животных следует «в летнее время на вольный воздух чаще из стоял выводить и проминать, сено им давать самое доброе, воду чистую и здоровую, а не такую, какая обыкновенно в колодцах и в других местах стоялая бывает» [Материалы для истории АН 1885–1900, X: 41]. Вопрос, доводились ли эти рекомендации до индийских слоновщиков и каким образом, а также влияли ли они на уход, требует дальнейших разысканий.

Заключение

Изучение живых подарков, которыми империи раннего Нового времени обменивались друг с другом, неожиданным образом дает материал для истории медицины и истории технологий. На примере слонов, которых российские властители раннего Нового времени получали из Персии и Бухары, можно проследить принципы перемещения из одной империи в другую системы ухода и лечения животных. Вместе с животными в новую среду обитания переправлялись носители знания о них и материальная инфраструктура, которая должна была, во-первых, способствовать их благополучию и, во-вторых, обеспечивать выполнение ими представительских функций.

¹ В Могольской империи всем придворным слонам полагались имена, подчеркивавшие их мощь, красоту и доблесть [Buckingham 2016: 96–104]. Вероятно, махауты поддерживали эту традицию и после перемещения животных в Россию. Однако видимой для российского делопроизводства она становилась лишь тогда, когда животных содержалось несколько и для их учета и организации прижизненного и посмертного участия в жизни двора требовались нюансы, отличавшие их друг от друга.

Приписываемая слонам способность воплощать политическую харизму преобразовывала жизнь животных при дворе в перформанс власти. Этот перформанс оказывался возможен благодаря более или менее слаженной работе специалистов и бюрократов. На функциональном уровне махауты, лекарства, пища и экипировка были компонентами воплощаемой в слонах технологической системы. Такой подход позволяет описывать пересылку животных как случай трансфера технологии. В отличие от масштабируемых технологий, она оставалась штучной и представляла собой скорее иноземный технологический анклав, поддерживавший при этом исключительно политические амбиции империи. Слоны в России использовались лишь в церемониальных и развлекательных целях, и их социальные функции сводились к демонстрации статуса их владельца — российского двора — и его отношений с соседними государствами. В этом смысле они выступали живыми аватарами власти.

Границы этого технологического анклава были проницаемы. К его работе могли присоединяться новые техники (обученные уже в России подмастерья из татар, армян и персиян, не имевших прежде никакого опыта ухода за слонами), некоторые компоненты, вроде растительной пищи, подлежали замене, а носители аюрведического знания переходили в православие. С другой стороны, поскольку государство не видело потребности в масштабировании данной технологии, аюрведические знания о лечении слонов применялись крайне ограниченно. Они создавали разнообразие в структуре государственной медицины, но не распространялись за пределы анклава. Со смертью животного исчезал и сам анклав. Процесс осуществления власти, однако, на этом не прекращался: в виде скелетов и чучел слоны попадали в Кунсткамеру и продолжали демонстрироваться придворным и дипломатам.

**Довольствие слонов, отправленных
к российскому императорскому двору в XVIII в.¹**

№	Год	От кого	Довольствие
1	1702–1703	<i>из Индии или из Персии</i>	<i>слон пропал в окрестностях Шемахи, данных нет</i>
2	1711 ²	персидский шах Султан-Хусейн	пшено сорочинское [рис] изюм мед патока масло коровье калачи вино простое [водка] соль чеснок сено солома свечи дрова <i>лекарство</i> свиное мясо крупы яшны церковное [вино] тензуй пряные зелья гвоздика бадьян кардамон
3	1717 ³	персидский шах Султан-Хусейн	<i>слон погиб в Астрахани после перехода через Дагестан; данных нет</i>
4	1723 ⁴	персидский шах Тахмасп II	пшено сорочинское калачи масло коровье мед чеснок вино простое сено крупное из тростника крупы овсяные

¹ Приводимые перечни, скорее всего, не являются исчерпывающими. Во-первых, всегда сохраняется вероятность обнаружить в архивах новые материалы по обсуждаемому вопросу. Во-вторых, в известных документах не всегда уточняется, о каких видах довольствия и лекарств идет речь, а вместо этого используются общие выражения («на лекарство слону», «на составы лекарств», «специи слону», «пряные зелья» и т.д.). Тем не менее обнаруженные на сегодняшний день реестры довольствия достаточно репрезентативны для целей предпринятого исследования.

² См.: [РГАДА. Ф. 77. Оп. 1. Д. 1. Л. 312, 342–343, 345об., 348об., 352–352об., 356об.]; Ф. 248. Оп. 7. Д. 372. № 52. Л. 216; Weber 1729: 7].

³ См.: [Лопухин 1958].

⁴ См.: [РГИА. Ф. 466. Оп. 1. Д. 41. Л. 25–26об.].

№	Год	От кого	Довольствие
			имбирь желтый ¹ свечи сальные дрова соль масло коровье «на смаску слона» ² дрова «когда выпадает снег» вино двойное мясо свиное лекарство имбирь белый ³ бандир ⁴ гвоздика перец чилибуха ⁵ имбирь желтый бура золотарная лекарства из Астрахани зиньян ⁶ черное лекарство ⁷ алиль ⁸ агирь ⁹ кат индейской ¹⁰ бакан пичь ¹¹ дар филь филь ¹² мун филь филь ¹³

¹ Вероятно, куркума, *Curcuma longa* L. Имбирь желтый и белый, наряду с другими пряностями, упоминается в записи показаний индийского купца Марвари о «природных» индийских товарах, привозимых в Россию, от 15 февраля 1735 г. [РГАДА. Ф. Сенат. Кн. 1131. Л. 191–192]. Прозвище Марвари образовано от названия северной индийской области Марвар, выходцы из которой, принадлежавшие к торговой касте, вели торговлю в Средней Азии и России [Дмитриев 1972: 235; Levi 2002: 108–112].

² Об уходе за кожей слона см.: [Mukhopadhyaya 1922, II: 403].

³ Вероятно, имбирь лекарственный, *Zingiber officinale* Roscoe.

⁴ Вероятно, урду *bandhur*, *Pentapetes phoenicea* L. [Platts 1884: 170].

⁵ Рвотный орех, *Strychnos nux-vomica* L.

⁶ От перс. *zinyān*, ажгон, *Trachyspermum ammi* (L.) Sprague = *Carum copticum* Benth. & Hook. f., или тмин, *Carum carvi* L. [Steingass 1892: 218, 635; Hooper, Field 1937: 95].

⁷ Возможно, от араб. *marham aswad*, «черная мазь».

⁸ От перс. *halīleh*, *halīla*, черный миробалан, *Terminalia chebula* Retz. [Hooper, Field 1937: 177].

⁹ Вероятно, араб. *āqir qarḥā*, перс. *agirgarhā*, анациклус лекарственный, *Anacyclus pyrethrum* L. [Hooper, Field 1937: 85; Károly 2014: 348].

¹⁰ Вероятно, *qātt*, люцерна посевная, *Medicago sativa* L. [Steingass 1892: 954; Hooper, Field 1937: 139].

¹¹ Возможно, перс. *bahman-i pīch*, *Helicteres isora* L. [Hooper, Field 1937: 124–125].

¹² От перс. *dār filfil*, перец длинный, *Piper longum* L. [Steingass 1892: 496].

¹³ От перс. *filfil-mūn*, дикая мята, или араб. *fulfulmūn*, корень перца длинного [Steingass 1892: 938].

№	Год	От кого	Довольствие
			бадырент ¹ ангузья ² кафиль ³ шамбалеле ⁴ «на время студеное» зирь черный ⁵ «от болезни, когда что потребно будет» тензуй скипидар водка «для черненья слона» амиле индейское ⁶ яйца свежие масло коровье купорос сапожный мыло
5	1736 ⁷	персидский шах Надир-шах	пшено сорочинское маш («покупался для прежних слонов в Астрахани») мука пшеничная тростниковый сахар масло коровье соль перец имбирь корица кардамон гвоздика мускатный орех шафран зардачь ⁸ свечи сальные дрова

¹ Вероятно, перс. *bād-rang*, огурец, или род цитрусовых; или араб. *bādqūḡ*, базилик, *Ocimum basilicum* L. [Steingass 1892: 139; Károly 2014: 232].

² От перс. *anguza*, *anguzha*, асафетида, *Ferula assa-foetida* L. [Steingass 1892: 114–115].

³ Вероятно, перс. *kāfūr*, камфора, *Cinnamomum camphora* L. [Steingass 1892: 1007].

⁴ От перс. *shambalīleh*, *shambalīla*, пажитник, *Trigonella foenum-graecum* L. [Steingass 1892: 762].

⁵ Вероятно, урду *kaala zirah*, черная зира, *Elwendia persica* (Boiss.) Pimenov & Kljuikov или *Carum bulbocastanum* Koch = *Bunium bulbocastanum* L. [Hooper, Field 1937: 95].

⁶ От перс. *amīla*, араб. *amlaḡ*, миробалан серый, *Phyllanthus emblica* L. [Steingass 1892: 102].

⁷ См.: [РГИА. Ф. 466. Оп. 1. Д. 41. Л. 21–24; РГАДА. Ф. 1239. Оп. 43. Д. 15. Л. 2–2об., 21–22; Оп. 3. Ч. 69. Д. 32517. Л. 1; Д. 35865. Л. 46–56, 60об.].

⁸ От перс., урду *zardak*, морковь, *Daucus carota* L., также куркума, *Curcuma longa* L. [Platts 1884: 616; Steingass 1892: 614].

№	Год	От кого	Довольствие
			<p><i>также</i> пшеница горох говядина сбитень из овсяных зеленей</p> <p><i>ежегодно</i> виноградное белое вино (с мая по ноябрь) водка (с ноября по май) трава (летом) сырой тростник сено из тростника (зимой) мелкое сено молоко сало козье сало баранье яйца</p> <p><i>лекарство</i> татуля¹ баладар/баладур² рал³ неян⁴ каладан⁵ ангузе⁶ слант (?) бекенфил (?)⁷ раван⁸ зинион⁹ банк¹⁰ седав¹¹</p>

¹ От перс. *tātūla*, дурман, *Datura stramonium* L. [Steingass 1892: 272].

² От перс. *balādur*, красящий орех, *Semecarpus anacardium* L. fil. [Platts 1884: 163; Steingass 1892: 196; Hooper, Field 1937: 170].

³ Вероятно, урду *rāl*, сок *Shorea robusta* Gaertn.; также перс. *raal*, сок *Vateria indica* L. [Platts 1884: 583; Khare 2007].

⁴ От перс. *payat*, хинд. *nīt*; «дерево, листья которого используются для лечения ран», *Azadirachta indica* A. Juss. [Steingass 1892: 1444]. Бинтование ран тканью, вымоченной в масле из семян дерева *neem*, упоминает Сандерсон в описании лечения слонов махаутами в Индии XIX в. [Sanderson 1879: 98].

⁵ От хинд. *kaladanah*, «черное семя», *Ipomoea nil* (L.) Roth [Hooper, Field 1937: 130].

⁶ См. сн. 2 на с. 290.

⁷ Возможно, от араб. *baqlat al-fol*, «слоновья трава».

⁸ От араб. *rāwand*, перс. *rīwand*, ревень.

⁹ См. сн. 6 на с. 289.

¹⁰ От перс. *bang*, конопля, *Cannabis sativa* L. [Steingass 1892: 203].

¹¹ От перс. *sodāb*, *sadāb*, рута, *Ruta graveolens* L. [Steingass 1892: 663].

№	Год	От кого	Довольствие
			беденжил ¹ ревень краски «на крашенье слона»
6-20	1741 ²	персидский шах Надир-шах	мука пшеничная сахар масло коровье пшено сорочинское простое вино сено соль чеснок свечи дрова <i>лекарство</i> чилибуха ³ «на крашенье слона» красный сурик охра белила ярь-медянка синий купорос киноварь
21	1796 ⁴	эмир бухарский Шахмурад ибн Даниялбий	сено пшеничная мука молоко <i>лекарство</i> перец горошчатый толченый мускатный орех имбирь белый имбирь желтый кардамон гвоздика корица чилибуха девельдрек ⁵ масло коровье рыбный белый клей мед красный

¹ От перс. *bedanjir*, *bīd-anjīr*, *bīd-danjīr*, касторовое масло, *Ricinus communis* L. [Steingass 1892: 218, 289; Ноорер, Field 1937: 164–165; Károly 2014: 238, 349].

² См.: [АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. Д. 16. Т. 1. Л. 250б., 30, 44, 47 (цит по: [Васильева 2019]); Внутренний быт 1880: 327, 336–337].

³ См. сн. 5 на с. 289.

⁴ См.: [СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2. Д. 184. Л. 392]. О судьбе этого слона, в том числе посмертной, см.: [Федотова 2023].

⁵ От нем. *Teufelsdreck*, асафетида, *Ferula assa-foetida* L.

Благодарности

Исследование выполнено в рамках проекта «Растения и люди в Российской Империи XVIII века: сословная дистрибуция знаний и практик» (ЕУСПБ, 2022–2024).

Мне приятно выразить свою признательность Ольге Беличенко, Оливеру Калю, Кире Коваленко, Александру Облапенко, Фабрицио Специале, Анастасии Федотовой, Риазу Хоуви и Кириллу Худину за щедрую консультационную помощь во время работы над статьей. Комментарии Анны Алтуховой и Анны Клепиковой, а также замечания рецензента помогли мне сделать текст более ясным. Также я благодарна Алексею Куприянову за ценные обсуждения идеи технологических трансферов и рекомендации литературы по социальной истории технологий.

Все ошибки и неточности остаются на совести автора.

Список сокращений

АВПРИ — Архив внешней политики Российской империи МИД РФ

РГАДА — Российский государственный архив древних актов

РГИА — Российский государственный исторический архив

СПбФ АРАН — Санкт-Петербургский филиал архива Российской Академии наук

Источники

Архив князя Воронцова: В 40 т. М.: Тип. Грачева и К, 1870. Т. 1. 674 с.

[Беневени]. Посланник Петра на Востоке: Посольство Флорио Беневени в Персию и Бухару в 1718–1725 годах. М.: Наука, 1986. 156 с.

[Берхгольц]. Дневник камер-юнкера Ф.-В. Берхгольца. 1721–1725: В 4 ч. М.: Университетская тип., 1902–1903.

Журнал, или Поденная записка, Блаженные и вечнодостоинные памяти Государя Императора Петра Великого с 1698 года, даже до заключения Нейштатского мира: В 3 ч. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1772. Ч. 2. 763 с.

[Лопухин]. Журнал дворянина Андреяна Лопухина // История, география и этнография Дагестана XVIII–XIX вв. Архивные материалы / Сост. М.О. Косвен. М.: Изд-во восточ. лит-ры, 1958. С. 6–59.

Материалы для истории Императорской Академии наук: В 10 т. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1885–1900.

Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР: торговля с Московским государством и международное положение Средней Азии в XVI–XVII вв. Л.: Изд-во и тип. АН СССР, 1932. 504 с.

Нащокин В.А. Записки // Империя после Петра. 1725–1765. М.: Фонд Сергея Дубова, 1998. С. 227–384.

Памятники дипломатических и торговых отношений Московской Руси с Персией: В 3 т. СПб.: Лештуковская паровая скоропечатня П.О. Яблонского, 1892. Т. 2. 447 с.

- Письма и донесения иезуитов о России конца XVII и начала XVIII века. СПб.: Сенатская тип., 1904. 382 с.
- Полное собрание законов Российской империи: В 55 т. СПб.: Тип. второго отделения Собственной Его Величества Канцелярии, 1830–1885.
- Полное собрание русских летописей. М.: Наука, 1978. Т. 34. 304 с.
- Протоколы заседаний Конференции Императорской Академии наук с 1725 по 1803 года: В 4 т. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1897–1911.
- Русско-индийские отношения в XVII веке. М.: Изд-во восточ. лит-ры, 1958. 453 с.
- Русско-индийские отношения в XVIII веке. М.: Изд-во восточ. лит-ры, 1965. 655 с.
- [*Bruckmann*]. Centuria 3. Epistola itineraria IX. Sistens terras metallicas musei autoris. Brunsvigae: Officina Libraria Schroederiana, 1756.
- Commercium litterarium ad rei medicae et scientiae naturalis. Norimbergae: Litteris Johanni Ernesti Adelbulneri, 1731.
- Commercium litterarium ad rei medicae et scientiae naturalis. Norimbergae: Litteris Fleischmannianis, 1740.
- Potts D.T.* (ed.). Agreeable News from Persia: Iran in the Colonial and Early Republican American Press, 1712–1848: In 3 vols. Wiesbaden: Springer Vieweg, 2022.
- St-Joseph A. de.* Pharmacopoea persica. Lutetiae Parisiorum: Typis Stephani Michallet, 1681. 370 p.
- Sanderson G.F.* Thirteen Years among the Wild Beasts of India. L.: W.H. Allen & Co., 1879. XVIII+387 p.
- Weber F.-Ch.* Das veränderte Russland. Hannover: Verlegt Nicolaus Förster und Sohn, 1729. 490 s.

Библиография

- Аникин А.Е.* Лексикологический комментарий к баснословным достопримечательностям России, в особенности Сибири // Сибирский филологический журнал. 2021. № 4. С. 199–213.
- Бережная Л.* Символика даров в дипломатических отношениях между Речью Посполитой и Московским Царством во второй половине XVII в. // Бойцов М., Альтхоф Г. (ред.). На языке даров: правила символической коммуникации в Европе 1000–1700 гг. М.: РОССПЭН, 2016. С. 226–251.
- Бушев П.П.* Посольство Артемия Волынского в Иран в 1715–1718 гг. (по русским архивам). М.: Наука, 1978. 288 с.
- Васильева Д.* Живые подарки: слоны посольства Надир-шаха 1739–1742 // Дьяков Н.Н., Матвеев А.С. (ред.). XXX Международный конгресс по источниковедению и историографии стран Азии и Африки: к 150-летию академика В.В. Бартольда (1869–1930): Материалы конгресса. СПб.: НП-Принт, 2019. С. 179–187.
- Виноградов Г.С.* Самоврачевание и скотолечение у русского старожилото населения Сибири. Пг.: Тип. В.Д. Смирнова, 1916. 106 с.
- Дмитриев Г.Л.* Из истории индийских колоний в Средней Азии (вторая половина XIX — начало XX в.) // Ольдерогге Д.А. (ред.). Страны

- и народы Востока. Индия — страна и народ. М.: Наука, 1972. Кн. 2. С. 234–247.
- Загородняя И.А.* Дипломатические дары русским царям из Речи Посполитой (по материалам книг приездов польских великих послов второй половины XVII в.) // Аксенов А.И. (ред.). Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.). М.: ИРИ РАН, 2003. С. 71–98.
- Зияев Х.З.* Экономические связи Средней Азии с Сибирью в XVI–XIX вв. Ташкент: Фан, 1983. 167 с.
- Ипполитова А.Б.* Русские рукописные конские лечебники XVII–XVIII вв. vs народная ветеринария: к постановке проблемы // Славянская традиционная культура и современный мир. М.: ГРЦРФ, 2011. Вып. 14. С. 236–253.
- Кожевников Е.В., Гуревич Д.Я.* Отечественное коневодство: история, современность, проблемы. М.: Агропромиздат, 1990. 219 с.
- Коришунков В.А.* Анима: отношение к домашним животным в России: Исторические очерки. М.: Неолит, 2022. 360 с.
- Куканова Н.Г.* Очерки по истории русско-иранских торговых отношений в XVII — первой половине XIX века: по материалам русских архивов. Саранск: Мордовское книж. изд-во, 1977. 286 с.
- Кутепов Н.И.* Царская и императорская охота на Руси: В 4 т. СПб.: Экспедиция заготовления государственных бумаг, 1902. Т. 3. XXXII+299 с.
- Матвиевская Г.П.* Слоны в Оренбурге // Гостиный двор. 2008. № 23. С. 189–200.
- Михалева Г.А.* К вопросу о дипломатических сношениях между Россией и Бухарой через Оренбург в конце XVIII — начале XIX века // Общественные науки в Узбекистане. 1962. № 7. С. 55–59.
- Моисеев М.В.* Слон Ивана Грозного // *Studia historica Europae Orientalis*. 2010. № 3. С. 209–220.
- Низамутдинов И.* Из истории среднеазиатско-индийских отношений (IX–XVIII вв). Ташкент: Узбекистан, 1969. 144 с.
- Новомбергский Н.Я.* Ветеринарное дело в России в половине XVIII столетия. Томск: Печатня С.П. Яковлева, 1910. 484 с.
- Новосельцев А.П.* Русско-иранские отношения во второй половине XVI в. // Зимин А.А., Пашуто В.Т. (ред.). Международные связи России до XVII в.: Сб. статей. М.: АН СССР, 1961. С. 444–461.
- Оситов Д.О.* Из истории великокняжеских и царских «потех» (по материалам раскопок в Московском Кремле) // Археология Подмосковья. 2009. № 5. С. 237–250.
- Осват К.* Ломоносов и «Письмо о пользе стекла»: поэзия и наука при дворе Елизаветы Петровны // Новое литературное обозрение. 2007. Т. 87. № 5. С. 148–183.
- Попов И.П.* Русская народная ветеринария: опыт исследования суеверий, колдовства, знахарства, коновальства и прочих условий в народном скотоврачевании. Казань: Тип. Б.Л. Домбровского, 1901. 47 с.
- Раздорский А.И.* Конская торговля Москвы в XVII веке (по материалам таможенных книг 1629 и 1630 гг.). М.: Старая Басманная, 2019. 283 с.

- Савич Н.Г. Из истории русско-немецких культурных связей в XVII веке (Немецко-русский словарь-разговорник Г. Невенбурга 1629 г.) // Исторические записки. 1978. Т. 102. С. 246–286.
- Трусович Х.И. Посольские и торговые сношения России с Китаем (до XIX в.). М.: Тип. Т. Малиновского, 1882. 306 с.
- Федотова А.А. Беловежский зубр (*Bison bonasus bonasus*) как музейный экспонат в XVIII — начале XX века // Труды Зоологического института РАН. 2018. Т. 322. № 2. С. 160–184.
doi: 10.31610/trudyzin/2018.322.2.160.
- Федотова А.А. Слон из папье-маше для Санкт-Петербургской Кунсткамеры // Природа. 2023. № 11. С. 61–66.
doi: 10.7868/S0032874X2311008X.
- Фехнер М.В. Торговля русского государства со странами Востока в XVI веке. М.: Госкультпросветиздат, 1956. 122 с.
- Худин К.С. Названия лекарственных растений в источниках о русско-индийской торговле XVII в. (по документам Аптекарского Приказа) // Acta Linguistica Petropolitana. 2019. Т. 15. № 3. С. 461–488.
doi: 10.30842/alp2306573715319.
- Царские охоты и потехи: Мат-лы научно-практической конференции, 23–24 ноября 2017. СПб.: Принт-2, 2017. 329 с.
- Ченцова В.Г. «Персидские мотивы» в международной политике начала XVII в.: история появления в Москве ризы Христовой и мощей св. Иакова Персянина // Тимошина Л. А. (сост). Историк и источник: Сб. статей к юбилею С.Н. Кистерева. СПб.: Искусство России, 2018. С. 402–438.
- Юхименко Е.М. «По улицам слона водили...»: документ, литературный текст и российская действительность 1710-х гг. // Водолазкин Е.Г. (сост.). Текст и традиция. СПб.: Росток, 2015а. Вып. 3. С. 95–114.
- Юхименко Е.М. Еще раз о слоне. Реальный комментарий к посланию Андрея Денисова // Элерт А.Х. (ред.). Религиозные и политические идеи в произведениях деятелей русской культуры XVI–XXI вв. Памяти академика Н.Н. Покровского. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2015б. С. 58–69.
- Юхт А.И. Индийская колония в Астрахани // Вопросы истории. 1957. № 3. С. 135–143.
- Alexeevsky M. Treating the “Other Animals”: Russian Ethnoveterinary Practices in the Context of Folk Medicine // Costlow J., Nelson A. (eds.). Other Animals: Beyond the Human in Russian Culture and History. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2010. P. 42–58.
- Aricanli S. Plurality in Qing Imperial Medicine: Examining Institutional Formations beyond the Imperial Medical Bureau // Asia Pacific: Perspectives. 2013. Vol. 12. No. 1. P. 61–83.
- Attewell G.N.A. Refiguring Unani Tibb: Plural Healing in Late Colonial India. New Delhi: Orient Longman, 2007. XVI+316 p.
- Baer H. Medical Pluralism // Singer M., Erickson P.I., Abadía-Barrero C.E. (eds.). A Companion to Medical Anthropology. 2nd ed. London: Wiley, 2022. P. 342–357.

- Bedini S.A.* Pope's Elephant: An Elephant's Journey from Deep in India to the Heart of Rome. N.Y.: Penguin, 1997. 302 p.
- Belfanti C.M.* Guilds, Patents, and the Circulation of Technical Knowledge: Northern Italy during the Early Modern Age // *Technology and Culture*. 2004. Vol. 45. No. 3. P. 569–589. doi: 10.1353/tech.2004.0111.
- Bloomfield M.* Notes on the *Divyāvādāna* // *Journal of the American Oriental Society*. 1920. No. 40. P. 336–352.
- Buckingham J.* Symbolism and Power: Elephants and Gendered Authority in the Mughal World // Locke P., Buckingham J. (eds.). *Rethinking Human-Elephant Relations in South Asia: Conflict, Negotiation, and Coexistence*. New Delhi: Oxford University Press, 2016. P. 92–114.
- Burton A.* The Bukharans: A Dynastic, Diplomatic, and Commercial History, 1550–1702. N.Y.: Curzon, 1997. 664 p.
- Cahill C.* [Un]becoming a Resource: Translating the Nature of Civets in Indonesia // *Ethnos*. 2020. Vol. 85. No. 1. P. 100–117. doi: 10.1080/00141844.2018.1536072.
- Cant S., Sharma U.* A New Medical Pluralism? Alternative Medicine, Doctors, Patients and the State. L.: UCL Press, 1999. IX+226 p.
- Chakrabarty D.* Community, State and the Body: Epidemics and Popular Culture in Colonial India // Hardiman D., Mukharji P.B. (eds.). *Medical Marginality in South Asia: Situating Subaltern Therapeutics*. L.: Routledge, 2013. P. 36–58.
- Cipolla C.M.* The Diffusion of Innovations in Early Modern Europe // *Comparative Studies in Society and History*. 1972. Vol. 14. No. 1. P. 46–52.
- Collard R.-C.* Animal Traffic: Lively Capital in the Global Exotic Pet Trade. Durham; L.: Duke University Press, 2020. 200 p.
- Collis R.* The Petrine Instauration: Religion, Esotericism and Science at the Court of Peter the Great. Leiden: Brill, 2011. 583 p.
- Costlow J., Nelson A.* (eds.). *Other Animals: Beyond the Human in Russian Culture and History*. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2010. XIV+320 p.
- Cristini M.* Elephant Diplomacy: A Disturbing Gift for the Khagan of the Avars // *Viator*. 2021. Vol. 52. No. 1. P. 49–59. doi: 10.1484/J.VIATOR.5.130879.
- Cushing N., Markwell K.* Platypus Diplomacy: Animal Gifts in International Relations // *Journal of Australian Studies*. 2009. Vol. 33. No. 3. P. 255–271. doi: 10.1080/14443050903079664.
- Dale S.F.* *Indian Merchants and Eurasian Trade, 1600–1750*. Newcastle-upon-Tyne: Cambridge University Press, 2002. 180 p.
- Edgerton F.* The Elephant-lore of the Hindus. The Elephant-Sport (*Matanga-Lila*) of Nilakantha. New Haven, CT: Yale University Press, 1931. XIX+129 p.
- Ernst W.* Medical Plurality, Medical Pluralism and Plural Medicine: A Critical Reappraisal of Recent Scholarship // Jütte R. (ed.). *Medizin, Gesellschaft und Geschichte*. Special issue “Medical Pluralism: Past — Present — Future”. 2013. Vol. 46. P. 11–23.

- Foucault M.* Truth and Power // Gordon C. (ed.). *Power / Knowledge*. N.Y.: Pantheon, 1980. P. 109–133.
- Frison G.* Some German and Austrian Ideas on “Technologie” and “Technik” between the End of the Eighteenth Century and the Beginning of the Twentieth // *History of Economic Ideas*. 1998. Vol. 6. No. 1. P. 107–133.
- Gordin M.D.* The Importation of Being Earnest: The Early St Petersburg Academy of Sciences // *Isis*. 2000. Vol. 91. No. 1. P. 1–31.
doi: 10.1086/384624.
- Gorman M.E.* Types of Knowledge and Their Roles in Technology Transfer // *The Journal of Technology Transfer*. 2002. Vol. 27. No. 3. P. 219–231.
doi: 10.1023/A:1015672119590.
- Griffin C.* In Search of an Audience: Popular Pharmacies and the Limits of Literate Medicine in Late Seventeenth- and Early Eighteenth-century Russia // *Bulletin of the History of Medicine*. 2015. Vol. 89. No. 4. P. 705–732. doi: 10.1353/bhm.2015.0099.
- Griffin C.* *Mixing Medicines: The Global Drug Trade and Early Modern Russia*. Montreal; Kingston, L.; Chicago: McGill-Queen’s University Press, 2022. 248 p. doi: 10.1353/bhm.2015.0099.
- Gschwend A.J.* The Emperor’s Exotic and New World Animals: Hans Khevenhüller and Habsburg Menageries in Vienna and Prague // MacGregor A. (ed.). *Naturalists in the Field: Collecting, Recording and Preserving the Natural World from the Fifteenth to the Twenty-first Century*. Leiden: Brill, 2018. P. 76–103.
- Guan X.* The Medicine Supply System of the Qing Court // Siebert M., Chen K.J., Ko D. (eds.). *Making the Palace Machine Work: Mobilizing People, Objects, and Nature in the Qing Empire*. Amsterdam: Amsterdam University Press, 2021. P. 253–270.
- Han G.-S.* The Myth of Medical Pluralism: A Critical Realist Perspective // *Sociological Research Online*. 2002. Vol. 6. No. 4. P. 65–80.
doi: 10.5153/sro.660.
- Haraway D.* *The Companion Species Manifesto: Dogs, People, and Significant Otherness*. Chicago, IL: Prickly Paradigm Press, 2003. 100 p.
- Hardiman D., Mukharji P.B.* Introduction // Hardiman D., Mukharji P.B. (eds.). *Medical Marginality in South Asia: Situating Subaltern Therapeutics*. L.: Routledge, 2013. P. 6–35.
- Harris J.* *Essays in Industry and Technology in the Eighteenth Century: England and France*. Hampshire: Variorum; Ashgate, 1992. X+223 p.
- Hartig F.* Panda Diplomacy: The Cutest Part of China’s Public Diplomacy // *The Hague Journal of Diplomacy*. 2013. Vol. 8. No. 1. P. 49–78.
doi: 10.1163/1871191X-12341245.
- Heal F.* Presenting Noble Beasts: Gifts of Animals in Tudor and Stuart Diplomacy // Sowerby T.A., Hennings J. (eds.). *Practices of Diplomacy in the Early Modern World c. 1410–1800*. L.; N.Y.: Routledge, 2017. P. 187–203.
- Hilaire-Pérez L.* Technology as a Public Culture in the Eighteenth Century: The Artisans’ Legacy // *History of Science*. 2007. Vol. 45. No. 2. P. 135–153.
doi: 10.1177/007327530704500202.
- Hilaire-Pérez L., Verna C.* Dissemination of Technical Knowledge in the Middle Ages and the Early Modern Era: New Approaches and Methodological

- Issues // *Technology and Culture*. 2006. Vol. 47. No. 3. P. 536–565.
doi: 10.1353/tech.2006.0179.
- Hills R.L. From Cocoon to Cloth: The Technology of Silk Production // Cavaciocchi S. (ed.). *La seta in Europa: secc. XIII–XX*. Firenze: Le Monnier, 1993. P. 59–90.
- Hooper D., Field H. *Useful Plants and Drugs of Iran and Iraq*. Chicago, IL: Field Museum of Natural History, 1937. 171 p.
- Hsu E. Medical Pluralism // Heggenhougen K., Quah S. (eds.). *International Encyclopedia of Public Health: J–O*. Amsterdam: Elsevier, 2008. Vol. 4. P. 316–321.
- Hutková K. A Global Transfer of Silk Reeling Technologies: The English East India Company and the Bengal Silk Industry // Schäfer D., Riello G., Molà L. (eds.). *Threads of Global Desire: Silk in the Pre-modern World*. Woodbridge: The Boydell Press; Pasold Research Fund, 2018. P. 281–294.
- Iosad A. “Sciences Strange and Diverse”: Europeanization through the Transfer of Scientific Knowledge in Russia, 1717–65: PhD Thesis / University of Oxford. Oxford, 2017. 319 p.
- Jütte R. Medical Pluralism in Early Modern Germany // Jütte R. (ed.). *Medizin, Gesellschaft und Geschichte*. Special Issue “Medical Pluralism: Past — Present — Future”. 2013. Vol. 46. P. 25–44.
- Károly L. *A Turkic Medical Treatise from Islamic Central Asia: A Critical Edition of a Seventeenth-Century Chagatay Work by Subhān Qulī Khan*. Leiden; Boston: Brill, 2014. 452 p.
- Kenoyer J.M. *Ancient Cities of the Indus Valley Civilization*. Oxford; NY; Delhi; Karachi: Oxford University Press; American Institute of Pakistan Studies, 1998. 260 p.
- Khare C. *Vateria indica* Linn. // Khare C. (ed.). *Indian Medicinal Plants*. N.Y.: Springer, 2007. 910 p.
- Kleinman A. Concepts and a Model for the Comparison of Medical Systems as Cultural Systems // *Social Science and Medicine, Part B: Medical Anthropology*. 1978. Vol. 12. P. 85–93.
- Lach D.F. Asian Elephants in Renaissance Europe // *Journal of Asian History*. 1967. Vol. 1. No. 2. P. 133–176.
- Leslie C. Medical Pluralism in World Perspective [1] // *Social Science and Medicine, Part B: Medical Anthropology*. 1980. Vol. 14. No. 4. P. 191–195.
- Levi S. *The Indian Diaspora in Central Asia and Its Trade, 1550–1900*. Leiden: Brill, 2002. 319 p.
- Matthee R.P. *The Politics of Trade in Safavid Iran: Silk for Silver, 1600–1730*. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. XXI+290 p.
- Matthee R. Jesuits in Safavid Persia // Yarshater E. (ed.). *Encyclopaedia Iranica*. N.Y.: Encyclopaedia Iranica Foundation, 2008. Vol. 14. P. 634–638.
- Ming C. Transmission of Persian Medicine into China across the Ages // Lo V., Stanley-Baker M., Yang D. (eds.). *Routledge Handbook of Chinese Medicine*. L.; N.Y.: Routledge, 2022. P. 475–492.
- Molà L. *The Silk Industry of Renaissance Venice*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2000. 480 p.

- Monahan E.* The Merchants of Siberia: Trade in Early Modern Eurasia. Ithaca, NY; L.: Cornell University Press, 2016. XIII+410 p.
- Mottu-Weber L.* Production et innovation en Suisse et dans les Etats allemands (XVIe–XVIIIe siècles) // Cavaciocchi S. (dir.). La seta in Europa: secc. XIII–XX. Firenze: Le Monnier, 1993. P. 141–163.
- Mukharji P.B.* Doctoring Traditions: Ayurveda, Small Technologies, and Braided Sciences. Chicago, IL: The University of Chicago Press, 2016. 376 p.
- Mukharji P.B.* Historicizing “Indian Systems of Knowledge”: Ayurveda, Exotic Foods, and Contemporary Antihistorical Holisms // *Osiris*. 2020. Vol. 35. No. 1. P. 228–248. doi: 10.1086/709541.
- Mukhopadhyaya G.* History of Indian Medicine: In 3 vols. Calcutta: University of Calcutta, 1922. Vol. 2. 444 p.
- Novick T.* Introducing Bovine Regimes: When Animals Become Technologies // *Technology and Culture*. 2023. Vol. 64. No. 4. P. 1027–1043. doi: 10.1353/tech.2023.a910993.
- Olivelle P.* Science of Elephants in Kauṭilya’s *Arthaśāstra* // Locke P., Buckingham J. (eds.). Rethinking Human-Elephant Relations in South Asia: Conflict, Negotiation, and Coexistence. New Delhi: Oxford University Press, 2016. P. 75–91.
- Pasichnyk K.* Healing in the Russian Empire: Legal Norms, Medical Perceptions and Diseased Bodies in the Medical Disputes over Improper Treatment (1749–1803: PhD diss. / Martin-Luther-Universität Halle-Wittenberg, 2023. 268 p.
- Patel V.L., Arocha J.F., Kaufman D.R.* Expertise and Tacit Knowledge in Medicine // Sternberg R.J., Horvath J.A. (eds.). Tacit Knowledge in Professional Practice: Researcher and Practitioner Perspectives. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1999. P. 75–99.
- Penkala-Gawęcka D., Rajtar M.* Introduction to the Special Issue “Medical Pluralism and beyond” // *Anthropology and Medicine*. 2016. Vol. 23. No. 2. P. 129–134. doi: 10.1080/13648470.2016.1180584.
- Pirogovskaya M.* Birth of the Russian Patient: Somatic Modes of Attention and the Embodied Self in a Mid-Eighteenth-Century Russian Diary // *Social History of Medicine*. 2022. Vol. 35. No. 3. P. 910–926. doi: 10.1093/shm/hkac013.
- Platts J.T.* A Dictionary of Urdu, Classical Hindi, and English. L.: W.H. Allen & Co., 1884. 1259 p.
- Polanyi M.* The Tacit Dimension. Garden City, NY: Doubleday, 1966. XI+108 p.
- Preckel C.* Cinnabar, Calomel and the Art of *kushtasāzī*: Mercurial Preparations in Unani Medicine // *Asiatische Studien — Études Asiatiques*. 2015. Vol. 69. No. 4. P. 901–932. doi: 10.1515/asia-2015-1042.
- Renner A.* Russische Autokratie und europäische Medizin: Organisierter Wissenstransfer im 18. Jahrhundert. Stuttgart: Franz Steiner, 2010. 373 s.
- Ritvo H.* The Animal Estate: The English and Other Creatures in Victorian England. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1987. VIII+347 p.
- Robbins L.E.* Elephant Slaves and Pampered Parrots: Exotic Animals in Eighteenth-Century Paris. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2002. XIV+349 p.

- Rookmaaker L.C.* Review of the European Perception of the African Rhinoceros // *Journal of Zoology*. 2005. Vol. 265. No. 4. P. 365–376. doi: 10.1017/S0952836905006436.
- Rosenberg N.* Economic Development and the Transfer of Technology: Some Historical Perspectives // *Technology and Culture*. 1970. Vol. 11. No. 4. P. 550–575. doi: 10.2307/3102691.
- Rosenholm A., Autio-Saraso S.* (eds.). *Understanding Russian Nature: Representations, Values, and Concepts*. Helsinki: Kikimora Publications, 2005. 370 p.
- Smith A.K.* *For the Common Good and Their Own Well-being: Social Estates in Imperial Russia*. Oxford; N.Y.: Oxford University Press, 2014. XII+278 p.
- Speziale F.* *Culture persane et médecine ayurvédique en Asie du Sud*. Leiden: Brill, 2018. XII+278 p.
- Speziale F.* Noa's Grandsons and the Elephant: Functions of Persian Pseudonymous Writing in South Asia // *Journal of the Royal Asiatic Society*. (In print).
- Steingass F.J.* *A Comprehensive Persian-English Dictionary*. L.: Routledge & K. Paul, 1892. 1539 p.
- Trautmann T.R.* *Elephants and Kings: An Environmental History*. Chicago, IL: University of Chicago Press, 2015. XVI+372 p.
- Vucinich A.S.* *Science in Russian Culture: A History to 1860*. Stanford: Stanford University Press, 1963. XVI+463 p.
- Werrett S.* *Fireworks: Pyrotechnic Arts and Sciences in European History*. Chicago, IL: University of Chicago Press, 2010. VII+359 p.
- Winters R.* The Dutch East India Company and the Transport of Live Exotic Animals in the Seventeenth and Eighteenth Centuries // Chaiklin M., Gooding Ph., Campbell G. (eds.). *Animal Trade Histories in the Indian Ocean World*. Cham: Palgrave Macmillan, 2020. P. 27–63.
- Wujastyk D.* Perfect Medicine: Mercury in Sanskrit Medical Literature // *Asian Medicine*. 2013. Vol. 8. 1. P. 15–40. doi: 10.1163/15734218-12341278.
- Yu H.* When There Is Peace, There Are Elephants // Siebert M., Chen K.J., Ko D. (eds.). *Making the Palace Machine Work: Mobilizing People, Objects, and Nature in the Qing Empire*. Amsterdam: Amsterdam University Press, 2021. P. 271–290.
- Zimmer H.* *Spiel um den Elefanten. Ein Buch von indischer Natur*. München, Berlin: R. Oldenburg, 1929. 184 s.

“Elephant Ayurveda” at the 18th-Century Russian Court: Medical Pluralism, Technology Transfer, and Avatars of Power

Maria Pirogovskaya

European University at St Petersburg
6/1A Gagarinskaya, St Petersburg, Russia
mpirogovskaya@eu.spb.ru

The article analyzes Russian documents of the 18th century related to the delivery of elephants to the Russian court, their allowance and treatment. The study focuses on the political and technological aspects of the animals' life. The relocation of elephants from eastern powers to Moscow and St Petersburg was part of animal diplomacy and was conditioned by the status of animals as avatars of power. In turn, elephantine political charisma encouraged both parties — the donor and recipient of living gifts — to invest considerable effort in maintaining their well-being. For this purpose, the Russian Empire imported elephant keepers (mahouts), oriental food and Ayurvedic medicines. The author proposes to consider people, equipment, food, and medicinal matter as components of a technological system. The relocation of elephants between different states is interpreted as a case of technology transfer, which follows the same logic as the more explored scalable technologies. In this way, the therapeutic landscape of the Russian Empire was enriched with enclaves of Eastern medical knowledge that were conditioned by animal life. The results of the study not only complicate current ideas about historical configurations of medical pluralism, but also provide new insights into the grand narrative about the trajectories of knowledge importation in early modern Russia.

Keywords: technology transfer, animals, Russia, 18th century, medical pluralism, power.

Acknowledgments

This research was realized within the project “Plants and People in the Eighteenth-century Russian Empire: Social Distribution of Knowledge and Practices” (EUSPb, 2022–2024).

I am pleased to express my gratitude to Olga Belichenko, Anastasia Fedotova, Riaz Howey, Oliver Kahl, Cyril Khudin, Kira Kovalenko, Alexander Oblapenko, and Fabrizio Speciale for their generous consulting assistance during the development of this article. Comments from Anna Altukhova and Anna Klepikova as well as reviewer's advice helped me to make the prose more lucid. I am also thankful to Alexei Koupryanov for valuable discussions on the idea of technological transfers and introducing me to the literature on the social history of technology.

All mistakes and inaccuracies remain entirely mine.

References

- Alexeevsky M., 'Treating the "Other Animals": Russian Ethnoveterinary Practices in the Context of Folk Medicine', Costlow J., Nelson A. (eds.), *Other Animals: Beyond the Human in Russian Culture and History*. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2010, pp. 42–58.
- Anikin A. E., 'Leksikologicheskiy kommentariy k basnoslovnym dostopri-mechatelnostyam Rossii, v osobennosti Sibiri' [A Lexicological Commentary to Legendary Curiosities of Russia, particularly of Siberia], *Sibirskii filologicheskii zhurnal*, 2021, no. 4, pp. 199–213. (In Russian).
- Aricanli S., 'Plurality in Qing Imperial Medicine: Examining Institutional Formations beyond the Imperial Medical Bureau', *Asia Pacific: Perspectives*, 2013, vol. 12, no. 1, pp. 61–83.
- Attewell G. N. A., *Refiguring Unani Tibb: Plural Healing in Late Colonial India*. New Delhi: Orient Longman, 2007, XVI+316 pp.
- Baer H., 'Medical Pluralism', Singer M., Erickson P. I., Abadía-Barrero C. E. (eds.), *A Companion to Medical Anthropology*. 2nd ed. London: Wiley, 2022, pp. 342–357.
- Bedini S. A., *Pope's Elephant: An Elephant's Journey from Deep in India to the Heart of Rome*. New York: Penguin, 1997, 302 pp.
- Belfanti C. M., 'Guilds, Patents, and the Circulation of Technical Knowledge: Northern Italy during the Early Modern Age', *Technology and Culture*, 2004, vol. 45, no. 3, pp. 569–589. doi: 10.1353/tech.2004.0111.
- Berezhnaya L. 'Simvolika darov v diplomaticheskikh otnosheniyakh mezhdu Rechyu Pospolityo i Moskovskim Tsarstvom vo vtoroy polovine XVIII v.' [The Gift Symbolism in the Diplomacy between The Polish-Lithuanian Commonwealth and The Moscow Tzardom in the Second Half of the 17th Century], Boitsov M., Althof G. (eds.), *Na yazyke darov: pravila simvolicheskoy kommunikatsii v Evrope, 1000–1700 gg.* [The Language of Gifts: Rules of Symbolic Communication in Europe, 1000–1700]. Moscow: ROSSPEN, 2016, pp. 226–251. (In Russian).
- Bloomfield M., 'Notes on the Divyāvādāna', *Journal of the American Oriental Society*, 1920, no. 40, pp. 336–352.
- Buckingham J., 'Symbolism and Power: Elephants and Gendered Authority in the Mughal World', Locke P., Buckingham J. (eds.), *Rethinking Human-Elephant Relations in South Asia: Conflict, Negotiation, and Coexistence*. New Delhi: Oxford University Press, 2016, pp. 92–114.
- Burton A., *The Bukharans: A Dynastic, Diplomatic, and Commercial History, 1550–1702*. New York: Curzon, 1997, 664 pp.
- Bushev P. P., *Posolstvo Artemiya Volynskogo v Iran v 1715–1718 gg. (po russkim arkhivam)* [The Mission of Artemy Volynsky to Iran, 1715–1718 (Based on the Data from Russian Archives)]. Moscow: Nauka, 1978, 288 pp. (In Russian).
- Cahill C., '[Un]becoming a Resource: Translating the Nature of Civets in Indonesia', *Ethnos*, 2020, vol. 85, no. 1, pp. 100–117. doi: 10.1080/00141844.2018.1536072.
- Cant S., Sharma U., *A New Medical Pluralism? Alternative Medicine, Doctors, Patients and the State*. London: UCL Press, 1999, IX+226 pp.
- Chakrabarty D., 'Community, State and the Body: Epidemics and Popular Culture in Colonial India', Hardiman D., Mukharji P. B. (eds.), *Medical*

- Marginality in South Asia: Situating Subaltern Therapeutics*. London: Routledge, 2013, pp. 36–58.
- Cipolla C. M., ‘The Diffusion of Innovations in Early Modern Europe’, *Comparative Studies in Society and History*, 1972, vol. 14, no. 1, pp. 46–52.
- Collard R.-C., *Animal Traffic: Lively Capital in the Global Exotic Pet Trade*. Durham; London: Duke University Press, 2020, 200 pp.
- Collis R., *The Petrine Instauration: Religion, Esotericism and Science at the Court of Peter the Great*. Leiden: Brill, 2011, 583 pp.
- Costlow J., Nelson A. (eds.), *Other Animals: Beyond the Human in Russian Culture and History*. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2010, XIV+320 pp.
- Cristini M., ‘Elephant Diplomacy: A Disturbing Gift for the Khagan of the Avars’, *Viator*, 2021, vol. 52, no. 1, pp. 49–59.
doi: 10.1484/J.VIATOR.5.130879.
- Cushing N., Markwell K., ‘Platypus Diplomacy: Animal Gifts in International Relations’, *Journal of Australian Studies*, 2009, vol. 33, no. 3, pp. 255–271. doi: 10.1080/14443050903079664.
- Dale S. F., *Indian Merchants and Eurasian Trade, 1600–1750*. Newcastle-upon-Tyne: Cambridge University Press, 2002, 180 pp.
- Dmitriev G. L., ‘Iz istorii indijskikh koloniy v Sredney Azii (vtoraya polovina XIX — nachalo XX v.)’ [From the History of Indian Settlements in Central Asia, from 2nd Half of 19th to Early 20th Century], *Olde-rogge D. A. (ed.), Strany i narody Vostoka: Indiya — strana i narod* [Eastern Countries and Peoples: India — Country and People]. Moscow: Nauka, 1972, vol. 2, pp. 234–247. (In Russian).
- Edgerton F., *The Elephant-lore of the Hindus. The Elephant-Sport (Matanga-Lila) of Nilakantha*. New Haven, CT: Yale University Press, 1931, XIX+129 pp.
- Ernst W., ‘Medical Plurality, Medical Pluralism and Plural Medicine: A Critical Reappraisal of Recent Scholarship’, Jütte R. (ed.), *Medizin, Gesellschaft und Geschichte. Special Issue “Medical Pluralism: Past — Present — Future”*, 2013, vol. 46, pp. 11–23.
- Fedotova A. A., ‘Belovezhskiy zubr (*Bison bonasus bonasus*) kak muzeynyy eksponat v XVIII — nachale XX veka’ [*Bison bonasus bonasus* as a Museum Exhibit in the 18th — Early 20th Centuries], *Trudy Zoologicheskogo Instituta RAN*, 2018, vol. 322, no. 2, pp. 160–184. (In Russian). doi: 10.31610/trudyzin/2018.322.2.160.
- Fedotova A. A., ‘Slon iz papie-mashe dlya sankt-peterburgskoy Kunstkamery’ [Papier-mâché Elephant for the St Petersburg Kunstkamera], *Priroda*, 2023, no. 11, pp. 61–66. (In Russian). doi: 10.7868/S0032874X2311008X.
- Fekhner M. V., *Torgovlya russkogo gosudarstva so stranami Vostoka v XVI veke* [The Trade of the Russian State with the Eastern States in the 16th Century]. Moscow: Goskultprosvetizdat, 1956, 122 pp. (In Russian).
- Foucault M., ‘Truth and Power’, Gordon C. (ed.), *Power / Knowledge*. New York: Pantheon, 1980, pp. 109–133.
- Frison G., ‘Some German and Austrian Ideas on “Technologie” and “Technik” between the End of the Eighteenth Century and the Beginning of the Twentieth’, *History of Economic Ideas*, 1998, vol. 6, no. 1, pp. 107–133.

- Gordin M. D., 'The Importation of Being Earnest: The Early St Petersburg Academy of Sciences', *Isis*, 2000, vol. 91, no. 1, pp. 1–31.
doi: 10.1086/384624.
- Gorman M. E., 'Types of Knowledge and Their Roles in Technology Transfer', *The Journal of Technology Transfer*, 2002, vol. 27, no. 3, pp. 219–231.
doi: 10.1023/A:1015672119590.
- Griffin C., 'In Search of an Audience: Popular Pharmacies and the Limits of Literate Medicine in Late Seventeenth- and Early Eighteenth-century Russia', *Bulletin of the History of Medicine*, 2015, vol. 89, no. 4, pp. 705–732. doi: 10.1353/bhm.2015.0099.
- Griffin C., *Mixing Medicines: The Global Drug Trade and Early Modern Russia*. Montreal; Kingston; London; Chicago, IL: McGill-Queen's University Press, 2022, 248 pp.
- Gschwend A. J., 'The Emperor's Exotic and New World Animals: Hans Khevenhüller and Habsburg Menageries in Vienna and Prague', MacGregor A. (ed.), *Naturalists in the Field: Collecting, Recording and Preserving the Natural World from the Fifteenth to the Twenty-first Century*. Leiden: Brill, 2018, pp. 76–103.
- Guan X., 'The Medicine Supply System of the Qing Court', Siebert M., Chen K. J., Ko D. (eds.), *Making the Palace Machine Work: Mobilizing People, Objects, and Nature in the Qing Empire*. Amsterdam: Amsterdam University Press, 2021, pp. 253–270.
- Han G.-S., 'The Myth of Medical Pluralism: A Critical Realist Perspective', *Sociological Research Online*, 2002, vol. 6, no. 4, pp. 65–80.
doi:10.5153/sro.660.
- Haraway D., *The Companion Species Manifesto: Dogs, People, and Significant Otherness*. Chicago, IL: Prickly Paradigm Press, 2003, 100 pp.
- Hardiman D., Mukharji P. B., 'Introduction', Hardiman D., Mukharji P. B. (eds.), *Medical Marginality in South Asia: Situating Subaltern Therapeutics*. London: Routledge, 2013, pp. 6–35.
- Harris J., *Essays in Industry and Technology in the Eighteenth Century: England and France*. Hampshire: Variorum; Ashgate, 1992, X+223 pp.
- Hartig F., 'Panda Diplomacy: The Cutest Part of China's Public Diplomacy', *The Hague Journal of Diplomacy*, 2013, vol. 8, no. 1, pp. 49–78.
doi: 10.1163/1871191X-12341245.
- Heal F., 'Presenting Noble Beasts: Gifts of Animals in Tudor and Stuart Diplomacy', Sowerby T. A., Hennings J., *Practices of Diplomacy in the Early Modern World c. 1410–1800*. London; New York: Routledge, 2017, pp. 187–203.
- Hilaire-Pérez L., 'Technology as a Public Culture in the Eighteenth Century: The Artisans' Legacy', *History of Science*, 2007, vol. 45, no. 2, pp. 135–153. doi: 10.1177/007327530704500202.
- Hilaire-Pérez L., Verna C., 'Dissemination of Technical Knowledge in the Middle Ages and the Early Modern Era: New Approaches and Methodological Issues', *Technology and Culture*, 2006, vol. 47, no. 3, pp. 536–565.
doi: 10.1353/tech.2006.0179.
- Hills R. L., 'From Cocoon to Cloth: The Technology of Silk Production', Cavaciocchi S. (ed.), *La seta in Europa: secc. XIII–XX*. Firenze: Le Monnier, 1993, pp. 59–90.

- Hooper D., Field H., *Useful Plants and Drugs of Iran and Iraq*. Chicago, IL: Field Museum of Natural History, 1937, 171 pp.
- Hsu E., 'Medical Pluralism', Heggenhougen K., Quah S. (eds.), *International Encyclopedia of Public Health: J-O*. Amsterdam: Elsevier, 2008, vol. 4, pp. 316–321.
- Hutková K., 'A Global Transfer of Silk Reeling Technologies: The English East India Company and the Bengal Silk Industry', Schäfer D., Riello G., Molà L. (eds.), *Threads of Global Desire: Silk in the Pre-modern World*. Woodbridge: The Boydell Press; Pasold Research Fund, 2018, pp. 281–294.
- Iosad A., "Sciences Strange and Diverse": Europeanization through the Transfer of Scientific Knowledge in Russia, 1717–65. PhD: Thesis / University of Oxford. Oxford, 2017, 319 pp.
- Ippolitova A. B., 'Russkie rukopisnye konskie leчебniki XVII–XVIII vv. vs narodnaya veterinariya: k postanovke problemy' [Russian Handwritten Books on Equine Medicine vs. Folk Veterinary: Opening a Discussion], *Slavyanskaya traditsionnaya kultura i sovremennyy mir* [Slavic Traditional Culture and the Modern World], vol. 14. Moscow: State Republican Centre of the Russian Folklore, 2011, pp. 236–253. (In Russian).
- Iukhimenko E. M., "'Po ulitsam slona vodili...": dokument, literaturnyy tekst i rossiyskaya deystvitel'nost' 1710-kh gg.' ["Along the Streets Big Elephant Was Led...": An Archival Document, Literary Text, and the Russian Life of the 1710s], Vodolazkin E. G. (ed.), *Tekst i traditsiya* [Text and Tradition]. St Petersburg: Rostok, 2015, vol. 3, pp. 95–114. (In Russian).
- Iukhimenko E. M., 'Eshche raz o slone: realnyy kommentariy k poslaniyu Andreya Denisova' [The Elephant Reconsidered: Real Commentary to the Epistle by Andrei Denisov], Elert A. Kh. (ed.), *Religioznye i politicheskie idei v proizvedeniyakh deyateley russkoy kultury XVI–XXI vv.: Pamyati akademika N. N. Pokrovskogo* [Religious and Political Ideas in the Works of Russian Culture of the 16th–21st Centuries: In Memory of Academician N. N. Pokrovsky]. Novosibirsk: SB RAS Press, 2015, pp. 58–69. (In Russian).
- Iukht A. I., 'Indiyskaya koloniya v Astrakhani' [The Indian Settlement in Astrakhan], *Voprosy istorii*, 1957, no. 3, pp. 135–143. (In Russian).
- Jütte R., 'Medical Pluralism in Early Modern Germany', Jütte R. (ed.), *Medizin, Gesellschaft und Geschichte. Special Issue "Medical Pluralism: Past — Present — Future"*, 2013, vol. 46, pp. 25–44.
- Károly L., *A Turkic Medical Treatise from Islamic Central Asia: A Critical Edition of a Seventeenth-Century Chagatay Work by Subhān Qulī Khan*. Leiden; Boston: Brill, 2014, 452 pp.
- Kenoyer J. M., *Ancient Cities of the Indus Valley Civilization*. Oxford; New York; Delhi; Karachi: Oxford University Press; American Institute of Pakistan Studies, 1998, 260 pp.
- Khare C., 'Vateria indica Linn.', Khare C. (ed.), *Indian Medicinal Plants*. New York: Springer, 2007, 910 pp.
- Khudin K. S., 'Nazvaniya lekarstvennykh rasteniy v istochnikakh o rusko-indiyskoy trgovle XVII v. (po dokumentam Aptekarskogo Prikaza)' [Botanic Names in Sources on Russia-India Trade in the 17th Century

(as Stated in Apothecary Chancery Records)], *Acta Linguistica Petropolitana*, 2019, vol. 15, no. 3, pp. 461–488. (In Russian).
doi: 10.30842/alp2306573715319.

- Kleinman A., 'Concepts and a Model for the Comparison of Medical Systems as Cultural Systems', *Social Science and Medicine, Part B: Medical Anthropology*, 1978, vol. 12, pp. 85–93.
- Kozhevnikov E. V., Gurevich D. Ya., *Otechestvennoe konevodstvo: istoriya, sovremennost, problemy* [Russian Horse-Breeding: History, Its Present, and Its Problems]. Moscow: Agropromizdat, 1990, 219 pp. (In Russian).
- Korshunkov V. A., *Anima: otnoshenie k domashnim zivotnym v Rossii: Istoricheskie ocherki* [Anima: Attitudes to Pets in Russia: Historical Studies]. Moscow: Neolit, 2022, 360 pp. (In Russian).
- Kukanova N. G., *Ocherki po istorii rusско-iranskikh torgovykh otnosheniy v XVII — pervoy polovine XIX veka: po materialam russkikh arkhivov* [Essays on the History of Russo-Iranian Trade from the 17th to mid-19th Centuries]. Saransk: Mordovskoe kniznoe izdatelstvo, 1977, 286 pp. (In Russian).
- Kutepov N. I., *Tsarkaya i imperatorskaya okhota na Rusi* [Tsars' and Emperors' Hunting in Russia]: in 4 vols. St Petersburg: Ekspeditsiya zagotovleniya gosudarstvennykh bumag, 1902, vol. 3, XXXII+299 pp. (In Russian).
- Lach D. F., 'Asian Elephants in Renaissance Europe', *Journal of Asian History*, 1967, vol. 1, no. 2, pp. 133–176.
- Leslie C., 'Medical Pluralism in World Perspective [1]', *Social Science and Medicine. Part B: Medical Anthropology*, 1980, vol. 14, no. 4, pp. 191–195.
- Levi S., *The Indian Diaspora in Central Asia and its Trade, 1550–1900*. Leiden: Brill, 2002, 319 pp.
- Matthee R. P., *The Politics of Trade in Safavid Iran: Silk for Silver, 1600–1730*. Cambridge: Cambridge University Press, 1999, XXI+290 pp.
- Matthee R., 'Jesuits in Safavid Persia', Yarshater E. (ed.), *Encyclopaedia Iranica*. New York: Encyclopaedia Iranica Foundation, 2008, vol. 14, pp. 634–638.
- Matvievskaia G. P., 'Slony v Orenburge' [Elephants in Orenburg], *Gostinyy dvor*, 2008, no. 23, pp. 189–200. (In Russian).
- Mikhaleva G. A., 'K voprosy o diplomaticheskikh snosheniyakh mezhdru Rossiiy i Bukharoy cherez Orenburg v kontse XVIII — nachale XIX veka' [On the Diplomatic Relationships between Russia and Bukhara in the Late 18th and Early 19th Centuries], *Obshchestvennye nauki v Uzbekistane*, 1962, no. 7, pp. 55–59. (In Russian).
- Ming C., 'Transmission of Persian Medicine into China across the Ages', Lo V., Stanley-Baker M., Yang D. (eds.), *Routledge Handbook of Chinese Medicine*. London; New York: Routledge, 2022, pp. 475–492.
- Moiseyev M. V., 'Slon Ivana Groznogo' [Ivan Grozny's Elephant], *Studia historica Europae Orientalis*, 2010, no. 3, pp. 209–220. (In Russian).
- Molà L., *The Silk Industry of Renaissance Venice*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2000, 480 pp.
- Monahan E., *The Merchants of Siberia: Trade in Early Modern Eurasia*. Ithaca, NY; London: Cornell University Press, 2016, XIII+410 pp.

- Mottu-Weber L., 'Production et innovation en Suisse et dans les Etats allemands (XVIe–XVIIIe siècles)', Cavaciocchi S. (dir.), *La seta in Europa: secc. XIII–XX*. Firenze: Le Monnier, 1993, pp. 141–163.
- Mukharji P. B., *Doctoring Traditions: Ayurveda, Small Technologies, and Braided Sciences*. Chicago, IL: The University of Chicago Press, 2016, 376 pp.
- Mukharji P. B., 'Historicizing "Indian Systems of Knowledge": Ayurveda, Exotic Foods, and Contemporary Antihistorical Holisms', *Osiris*, 2020, vol. 35, no. 1, pp. 228–248. doi: 10.1086/709541.
- Mukhopadhyaya G., *History of Indian Medicine*. Calcutta: University of Calcutta Press, 1922, vol. 2, 444 pp.
- Nizamutdinov I., *Iz istorii sredneaziatsko-indiyskikh otnosheniy (IX—XVIII vv.)* [From the History of Central Asian — Indian Relations (9th–18th Centuries)]. Tashkent: Uzbekistan, 1969, 144 pp. (In Russian).
- Novick T., 'Introducing Bovine Regimes: When Animals Become Technologies', *Technology and Culture*, 2023, vol. 64, no. 4, pp. 1027–1043. doi: 10.1353/tech.2023.a910993.
- Novombergskiy N. Ia., *Veterinarnoe delo v Rossii v polovine XVIII stoletiya* [Veterinary in the Mid-18th Century Russia]. Tomsk: Pechatnaya S. P. Iakovleva, 1910, 484 pp. (In Russian).
- Novoseltsev A. P., 'Russko-iranskies otnosheniya vo vtoroy polovine XVI v.' [Russo-Iranian Relationships in the 2nd Half of the 16th Century], Zimin A. A., Pashuto V. T. (eds.), *Mezhdunarodnye svyazi Rossii do XVII v.* [International Connections of Russia before the 17th Century]. Moscow: USSR Academy of Sciences Press, 1961, pp. 444–461. (In Russian).
- Olivelle P., 'Science of Elephants in Kauṭilya's *Arthaśāstra*', Locke P., Buckingham J. (eds.), *Rethinking Human-Elephant Relations in South Asia: Conflict, Negotiation, and Coexistence*. New Delhi: Oxford University Press, 2016, pp. 75–91.
- Osipov D. O., 'Iz istorii velikoknyazheskikh i tsarskikh "potekh" (po materialam raskopok v Moskovskom Kremlе)' [From the History of Entertainments of Grand Dukes and Tzars (Based on the Excavations in the Territory of the Moscow Kremlin)], *Arkheologiya Podmoskovyaya*, 2009, no. 5, pp. 237–250. (In Russian).
- Ospovat K., 'Lomonosov i "Pismo o polze stekla": poeziya i nauka pri dvore Elizavety Petrovny' [Lomonosov and the Epistle on the Utility of Glass: Poetry and Science at the Court of Empress Elizabeth], *Novoe literaturnoe obozreniye*, 2007, vol. 87, no. 5, pp. 148–183. (In Russian).
- Pasichnyk K., *Healing in the Russian Empire: Legal Norms, Medical Perceptions and Diseased Bodies in the Medical Disputes over Improper Treatment (1749–1803)*: PhD diss. / Martin-Luther-Universität Halle-Wittenberg, Halle 2023, 268 pp.
- Patel V. L., Arocha J. F., Kaufman D. R., 'Expertise and Tacit Knowledge in Medicine', Sternberg R. J., Horvath J. A. (eds.), *Tacit Knowledge in Professional Practice: Researcher and Practitioner Perspectives*. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1999, pp. 75–99.
- Penkala-Gawęcka D., Rajtar M., 'Introduction to the Special Issue "Medical Pluralism and Beyond"', *Anthropology and Medicine*, 2016, vol. 23, no. 2, pp. 129–134. doi: 10.1080/13648470.2016.1180584.

- Pirogovskaya M., 'Birth of the Russian Patient: Somatic Modes of Attention and the Embodied Self in a Mid-Eighteenth-Century Russian Diary', *Social History of Medicine*, 2022, vol. 35, no. 3, pp. 910–926. doi: 10.1093/shm/hkac013.
- Platts J. T., *A Dictionary of Urdu, Classical Hindi, and English*. London: W. H. Allen & Co., 1884, 1259 pp.
- Polanyi M., *The Tacit Dimension*. Garden City, NY: Doubleday, 1966, XI+108 pp.
- Popov I. P., *Russkaya narodnaya veterinariya: opyt issledovaniya sueveriy, koldovstva, znakharstva, konovalstva i prochikh usloviy v narodnom skotovratchevanii* [Russian Folk Veterinary: A Study of Superstitions, Witchcraft, Herbalism, Farriery, and Other Practices of the Folk Cattle Treatment]. Kazan: Printing House of B. L. Dombrovskiy, 1901, 47 pp. (In Russian).
- Preckel C., 'Cinnabar, Calomel and the Art of *kushtasāzī*: Mercurial Preparations in Unani Medicine', *Asiatische Studien — Études Asiatiques*, 2015, vol. 69, no. 4, pp. 901–932. doi: 10.1515/asia-2015-1042.
- Razdorskii A. I., *Konskaya trgovlya Moskvyy v XVII veke (po materialam tamozhennykh knig 1629 i 1630 gg.)* [Horse Trade in the 17th-century Moscow (According to Customs Entries from 1629 and 1630)]. Moscow: Staraya Basmannaya, 2019, 283 pp. (In Russian).
- Renner A., *Russische Autokratie und europäische Medizin: Organisierter Wissenstransfer im 18. Jahrhundert*. Stuttgart: Franz Steiner, 2010, 373 ss.
- Ritvo H., *The Animal Estate: The English and Other Creatures in Victorian England*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1987, VIII+347 pp.
- Robbins L. E., *Elephant Slaves and Pampered Parrots: Exotic Animals in Eighteenth-Century Paris*. Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press, 2002, XIV+349 pp.
- Rookmaaker L. C., 'Review of the European Perception of the African Rhinoceros', *Journal of Zoology*, 2005, vol. 265, no. 4, pp. 365–376. doi: 10.1017/S0952836905006436.
- Rosenberg N., 'Economic Development and the Transfer of Technology: Some Historical Perspectives', *Technology and Culture*, 1970, vol. 11, no. 4, pp. 550–575. doi: 10.2307/3102691.
- Rosenholm A., Autio-Sarasmo S. (eds.), *Understanding Russian Nature: Representations, Values, and Concepts*. Helsinki: Kikumora Publications, 2005, 370 pp.
- Savich N. G., 'Iz istorii rusско-nemetskikh kulturnykh svyazey v XVII veke (Nemetsko-russkiy slovar-razgovornik G. Nevenburga 1629 g.)' [From the History of Russo-German Cultural Relations in the 17th Century (1629 German-Russian Phrasebook by Heinrich Newenburgk)], *Istoricheskiye zapiski*, 1978, vol. 102, pp. 246–286. (In Russian).
- Smith A. K., *For the Common Good and Their Own Well-being: Social Estates in Imperial Russia*. Oxford; New York: Oxford University Press, 2014, XII+278 pp.
- Speziale F., *Culture persane et médecine ayurvédique en Asie du Sud*. Leiden: Brill, 2018, XII+278 pp.

- Speziale F., 'Noah's Grandsons and the Elephant: Functions of Persian Pseudonymous Writing in South Asia', *Journal of the Royal Asiatic Society*. (In print).
- Steingass F. J., *A Comprehensive Persian-English Dictionary*. London: Routledge & K. Paul, 1892, 1539 pp.
- Tchentsova V. G., "'Persidskie motivy" v mezhdunarodnoy politike nachala XVII v.: istoriya poyavleniya v Moskve rizy Khristovoy i moshchey sv. Iakova Persyanina' [Persian Motives in the International Relations of the Early 17th Century: The History Behind the Delivery of the Christ's Robe and the Holy Relics of Jacob the Persian to Moscow], Timoshina L. A. (ed.), *Istoriya i istochnik: K yubileyu S. N. Kistereva* [Historian and Source: To the Jubilee of S. N. Kisterov]. St Petersburg: Iskustvo Rossii, 2018, pp. 402–438. (In Russian).
- Trautmann T. R., *Elephants and Kings: An Environmental History*. Chicago, IL: University of Chicago Press, 2015, XVI+372 pp.
- Trusevich Kh. I., *Posolskie i torgovye snosheniya Rossii s Kitaem (do XIX v.)* [Diplomatic and Trade Relationships between Russia and China Before the 19th Century]. Moscow: Printing House of T. Malinovskiy, 1882, 306 pp. (In Russian).
- Tsarskiye okhoty i potekhi* [Tsars' Hunting and Games]: Materials of scientific conference, 2017, November 23–24. St Petersburg: Print-2, 2017, 329 pp. (In Russian).
- Vasilyeva D., 'Zhivyye podarki: slony posolstva Nadir-Shakha 1739–1742' [Live Gifts: Elephants of the Nader-Shah's Mission, 1739–1742], Dyakov N. N., Matveev A. S. (eds.), *XXX Mezhdunarodnyy kongress po istochnikovedeniyu i istoriografii stran Azii i Afriki. K 150-letiyu akademika V. V. Bartolda (1869–1930)* [30th International Congress on Source Studies and History of Asia and Africa on the 150th Anniversary of V. V. Bartold (1869–1930)]: Materials of the congress. St Petersburg: NP-Print, 2019, pp. 179–187. (In Russian).
- Vinogradov G. S., *Samovrachevanie i skotolechenie u russkogo starozhilogo naseleniya Sibiri* [Self-Treatment and Cattle Treatment of Russian Settlers in Siberia]. Petrograd: V. D. Smirnov's Printing House, 1916, 106 pp. (In Russian).
- Vucinich A. S., *Science in Russian Culture: A History to 1860*. Stanford: Stanford University Press, 1963, XVI+463 pp.
- Werrett S., *Fireworks: Pyrotechnic Arts and Sciences in European History*. Chicago, IL: University of Chicago Press, 2010, VII+359 pp.
- Winters R., 'The Dutch East India Company and the Transport of iLive Exotic Animals in the Seventeenth and Eighteenth Centuries', Chaiklin M., Gooding P., Campbell G. (eds.), *Animal Trade Histories in the Indian Ocean World*. Cham: Palgrave Macmillan, 2020, pp. 27–63.
- Wujastyk D., 'Perfect Medicine: Mercury in Sanskrit Medical Literature', *Asian Medicine*, 2013, vol. 8, no. 1, pp. 15–40. doi: 10.5167/uzh-94273.
- Yu H., 'When There Is Peace, There Are Elephants', Siebert M., Chen K. J., Ko D. (eds.), *Making the Palace Machine Work: Mobilizing People, Objects, and Nature in the Qing Empire*. Amsterdam: Amsterdam University Press, 2021, pp. 271–290.

- Zagorodnyaya I. A., 'Diplomaticzeskie dary russkim tsaryam iz Rechi Pospolitoj (po materialam knig priedzov polskikh velikikh poslov vtoroj poloviny XVII v.' [Diplomatic Gifts for Russian Tzars from the Polish-Lithuanian Commonwealth (as Stated in the Records of Visits of Polish Plenipotentiary Envoys of the 2nd Half of the 17th Century)], Aksenov A. I. (ed.), *Issledovaniya po istochnikovedeniyu istorii Rossii (do 1917 g.)* [Source Studies of Russian History (before 1917)]. Moscow: IRH RAS Press, 2003, pp. 71–98. (In Russian).
- Zimmer H., *Spiel um den Elefanten. Ein Buch von indischer Natur*. München; Berlin: R. Oldenburg, 1929, 184 ss.
- Ziyaev Kh. Z., *Ekonomicheskie svyazi Sredney Azii s Sibiryu v XVI–XIX vv.* [Economic Ties Between Central Asia and Siberia in 16th and 17th Centuries]. Tashkent: Fan, 1983, 167 pp. (In Russian).